

СТАРЧЕСТВО
В СОВРЕМЕННОМ
МИРЕ

К. Е. СКУРАТ

Лампада
Флинская

К. Е. Скурат

Лампада глинская

Старчество в современном мире

Москва
Русский Хронографъ¹⁹⁹¹
2005

*По благословению
Преподобнейшего Германа,
митрополита
Волгоградского и Камышенского*

К. Е. Скурат. Лампада глиняная. Старчество в современном мире — М.: Русский Хронограф¹⁹⁹¹, 2005. — 224 с.

Скурат К.Е., заслуженный профессор Московской духовной академии, доктор Церковной истории

Согласно святоотеческой мысли, вобравшей в себя всю полноту Истины, правота веры достигается через святость жизни. Познать Святое Православие можно через изучение подвига святых мужей Церкви Христовой и чрез сильное подражание им. Посему данное изложение представляет лучшее из хорошего — наставления и образцы светильников Святой Руси.

Надеемся, что данная книга заслуженного профессора Московской духовной академии, почетного члена Минской духовной академии, доктора Церковной истории К.Е. Скурата поможет читателю жить «в послушании Христу» (2 Кор. 10, 5).

ISBN 5—85134—080—0

© «Русский Хронограф¹⁹⁹¹», 2005

«Русский Хронограф¹⁹⁹¹». 127018, Москва, Стрелецкая ул., 3

Подписано в печать 28.04.05 Формат 70×100 1/32

Печать офсетная. Бумага газетная. Гарнитура «Ньютон».

Объем 7 п. л. Усл. печ. л. 9.1

Тираж 11 000 экз. Заказ № 53609

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии

ОАО «Молодая гвардия».

Адрес ОАО «Молодая гвардия»:

127994. Москва, Сущевская, 21.

© По Глинскому Патерику схииерхимандрита Иоанна Маслова.

Текст, К. Е. Скурат, 2004

© Обложка, О. Стацевич, 2004

Содержание

ОТ АВТОРА.....	5
СТАРЕЦ-ДУХОВНИК	7
Кто такой старец-духовник	9
Чему учил старец	21
Как учил старец	30
Кто и с чем приходил к старцу	36
Что требовалось	
от проходящих к старцу.....	38
Какими уходили от старца	40
Необходимость руководства старца	41
МОЛИТВА	44
Понятие о молитве	44
Какая должна быть молитва	45
Молитва келейная и церковная	52
Содержание молитвы	59
Сила молитвы	60
Необходимость молитвы	62
Стяжание молитвы	63
Образцы молитвы	65
ЧТЕНИЕ СВЯЩЕННОГО ПИСАНИЯ	
И ТВОРЕНИЙ СВЯТЫХ ОТЦОВ	67
Чтение Священного Писания	68
Чтение творений Святых Отцов	71
СМИРЕНИЕ И ПОСЛУШАНИЕ	75
Смирение	75
Послушание	88
НЕЗЛОБИЕ И НЕОСУЖДЕНИЕ	93
Незлобие	93
Неосуждение	98

ТЕРПЕНИЕ И ПЕРЕНЕСЕНИЕ СКОРБЕЙ	102
Терпение	102
Перенесение скорбей	107
НЕСТЯЖАТЕЛЬНОСТЬ	113
СЛУЖЕНИЕ БЛИЖНЕМУ	121
ДУХОВНЫЕ НАСТАВЛЕНИЯ ИНОКАМ	141
ХРИСТИАНСКАЯ КОНЧИНА	156
БОРЬБА С ПОМЫСЛАМИ, ИСКУШЕНИЯМИ, ГРЕХОМ И ВРАГОМ СПАСЕНИЯ	172
Борьба с помыслами	172
Борьба с искушениями	175
Борьба с грехом	180
Борьба с врагом спасения	183
«ОБРАЗЦЫ» — ПРИМЕРЫ	
ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ	192
Молитвенники	195
Надеющиеся на Бога	199
С младенческой чистотой и сердечной простотой	201
Ровные в общении	201
Незлобие, доброжелательность	203
Духовно мудрые	205
Смиренные, целомудренные, нестяжатели, послушные, трудолюбивые ..	208
ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ	214
НЕОБХОДИМОЕ ПОСЛЕСЛОВИЕ	216

*Духовная жизнь в Глинской пустыни,
несмотря на бедность обителю,
была на таком высоком уровне,
что влекла к себе сердца христоролюбивых людей.*

*Подвиги Глинских старцев,
сиявших различными добродетелями,
побуждали к подражанию и других.*

Схиархимандрит Иоанн (Маслов).
Глинский патерик

ОТ АВТОРА

Святое Православие — правильно славящее Бога — многогранно, глубоко и широко, как и сама наша жизнь. И как бы мы ни старались представить его — оно не будет раскрыто до конца. Разве можно уяснить все тайны нашего бытия?! А Святое Православие и есть сама Жизнь!

Православие можно рассматривать с разных сторон: и со стороны вероучительной, и литургической, канонической, исторической, культурной, социальной, и со стороны духовной жизни. Последнее, пожалуй, имеет первостепенное значение, так как, по мысли святоотеческой, вобравшей в себя всю полноту Истины, правота веры достигается через святость жизни — чистота богословия зависит от чистоты жизни. Если нет последнего — не будет и первого.

Эти суждения приводят к одному выводу: должно свой взор обратить на великих — святых мужей Церкви Христовой и через изучение их подвига познать и то, что есть Святое Православие. Патерик и есть сборник житий с духовными наставлениями выразителей благочестия.

В предлагаемом читателю труде автор следует — и по духу и по букве — «Глинскому патерику» (добавлений к Патерику немного), составленному и написанному схиархимандритом Иоанном Масловым, доцентом Московской Духовной Академии, магистром богословия (†1991), с которым тесно связана и жизнь автора (отец Иоанн был и моим учеником по Московским Духовным Школам, а затем и официальным оппонентом на защите моей докторской диссертации). Патерик издан в 1997 г. заботами Партии Народного Согласия и её лидера академика Николая Васильевича Маслова.

Хочется надеяться, что данное изложение будет полезным читателю, как оно было и есть полезно и для самого автора.

Время изучения Патерики проходит в постоянном молитвенном общении с Глинскими подвижниками (к ним принадлежит и отец Иоанн), что давало силы довести дело до конца. Автор верит, что они видят наши немощи и представляют за нас. Потом он не только говорит «Вечная память, но и: «Молите Бога о нас!»

Помолись и ты читатель!

Константин Скурат

СТАРЕЦ-ДУХОВНИК

Глинская пустынь — «это школа Христова, это одна из светлых точек на земном шаре, в которую, дабы войти, надлежит умалиться до Христова младенчества».

Архимандрит Макарий (Глухарев), основатель
Алтайской духовной миссии.

Из мужских обителей — лучшая Глинская, где и чин богослужения благолепнее, и более находится старцев, разумеющих силу и сладость жизни духовной.

Епископ Курский и Белгородский, впоследствии
митрополит Московский и Коломенский,
Сергий (Ляпидевский)

В конце 1999 г. в граде Москве была опубликована книга «Свеча Богу. Московский старец протоиерей Василий Серебренников (1907–1996)», как дар любви и благодарности доброму пастырю его духовных чад. Характеризуя этого истинного служителя Божия, настоятель храма святителя Николая в Сабурове протоиерей Василий Бабурин пишет на страницах сей книги так: «Бывало придешь к отцу Василию за каким-то советом. Он лежит больной: вокруг немного книг. Придешь, он примет, как всегда, ласково, и, стоит только с ним посидеть, даже ничего не

спрашивая, на душе становится легко и радостно. Иногда ничего говорить не надо, а только посидеть рядом с ним — и уже всё ясно и понятно. Какое-то излучение от него шло, теплота духовная, поэтому достаточно было просто побыть рядом, чтобы всё получить: и утешение, и умиротворение, и разрешить вопросы, ничего не спрашивая»¹.

Открываем другую книгу, изданную немного раньше и ставшую уже хорошо известной читателю, — «Глинский патерик» схиархимандрита Иоанна (Маслова), — находим то же свидетельство о настоятеле Глинской пустыни (1943–1958) схиархимандрите Серафиме (Амелине): «Когда старец в последние годы болел и ему трудно было говорить, то ради его святых молитв многие, лишь побывав в его келлии и даже не сказав ни слова, получали благодатные дарования, уходили утешенные, исцелённые душой. Просившиеся к нему во время болезни уверяли келейника, что не будут беспокоить отца настоятеля своими вопросами. Они стремились хоть недо-

¹ Протоирей Василий Бабурин. Дар Любви. Цит. по кн.: Свеча Богу. Московский старец протоирей Василий Серебренников (1907–1996). М., 1999. С. 70–71.

лго побыть возле благодатного старца... Рядом с ним отлетало всё ненужное, наносное. Человек становился самим собой и получал редкую возможность видеть себя как бы со стороны, таким, каков он есть. Каждый сам ощущал свои грехи и невольно приходил к искреннему раскаянию»².

Почему в начале данного сообщения приводятся эти два свидетельства? Потому, что в них, как в фокусе, как в сердце сосредоточилось всё, что относится к рассуждению: кто такой есть СТАРЕЦ-ДУХОВНИК.

Кто такой старец-духовник

«Кормчий духовный», «добрый кормчий», «ходатай к Богу», воздевающий «за нас руки» к Нему наставник в нашем переходе «моря грехов», дабы победить «Амалика страстей»; «искусный врач», который режет надменное сердце «уничижением» и извлекает «из него

² Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Глинский Патерик. М., «Самшит», 1997. С. 597. В дальнейшем будут указываться в сносах лишь страницы «Глинского Патерика».

Глинская Рождество-Богородицкая пустынь основана в XVI веке в Курской губернии на месте явления чудотворной иконы Рождества Пресвятой Богородицы. В 1922 г. она была закрыта, в 1942 г. открыта, в 1961 г. вторично закрыта и в 1994 г. вновь открылась.

весь смрадный гной»; путеводитель, равно-ангельский муж, — так говорил в VII столетии игумен Синайской горы преподобный Иоанн Лествичник, обращая внимание на то, каким должен быть духовный руководитель. Это наставление великого аввы той святой Горы, обитель которой с древних пор и до сего дня сохраняет теснейшее единство с Матерью всех Святых Церквей — Церковью Иерусалимской, нашло своё полное выражение и в учении подвижников нашей Святой Православной Русской Церкви.

По определению Глинского патерика, старец-духовник — это духовный вождь. Вся его жизнь направляется «к одной цели — спасению своей души и душ ближних». Своим богословенным словом он врачует «язвы страждущих», согревает любовью и утешает участием, разделяет «скорбь и горе», дает «отраду и духовную поддержку» (670). Его молитвами врачуются и раны духовные, и болезни телесные. Его советы побуждают к духовной жизни, к ревностному — святому прохождению своего служения не только мирян, но и носителей священного сана, в том числе и иерархов (670). Это — спутник, сопровож-

дающий своих духовных чад в Царство Небесное (686).

Служение старца — это служение не от людей, а **от Бога**, от небесного призвания. Так, в Патерике повествуется, как сам старец иеросхимонах Макарий (†1864) рассказывал настоятелю обители о своем призвании к духовному руководству. «Лежу я, как теперь, утомленный и немощной... Явился мне Ангел Божий и сказал: «Принимай народ». Теперь я не могу противиться и должен исполнить волю Божию». После этого чуда было дано благословение на приём приходящих и аввой монастыря (250). Старцу Макарию было и еще видение, в котором он узрел повеление Божие не отказывать в духовном руководстве и женщинам. «Я вас не принимал бы, — говорил подвижник монахине, — да мне было видение. Вижу, будто иду в церковь по монастырю, и около меня летает множество ласточек. Они садятся и на руки, и на плечи мне; я их беру в руки и одуваю. После того будто возвращаюсь из церкви и на голове несу крест, а на крышах монашеских келлий грачи каркают на меня». Отец Макарий истолковал это видение так: ласточки — это

нуждающиеся в духовном совете женщины, несение креста — тяжесть духовного руководства, каркающие грачи — недовольные тем, что в мужском монастыре, отличающемся строгостью, беседуют на духу и с женским полом (250—251).

Старец имеет великие дары Божии — **совет и мудрость**, или мудрый совет. Это те дары Святого Духа, которые исчислял еще в Ветхом Завете один из славных пророков — Исаия (См. Ис.11, 2—3). О только что упоминавшемся старце Макарии сказано: слово его не отличалось «блеском красноречия, но оно проникнуто было мудростью, свыше исходящей», проникнуто «духовным рассуждением, которое святыми отцами признано выше всех добродетелей» (251). О **рассуждении** в Патерике имеется весьма важное свидетельство, которое показывает, что оно, то есть рассуждение, есть и дар Божий и приобретается усилиями свободной воли человека. Приобретается же рассуждение, — читаем в Патерике, — «не иначе, как постоянным общением с человеком, имеющим этот дар. Так некто спросил великого старца: «Авва! Как могу я приобрести дар рассуждения?» и получил та-

кой ответ: «Иди и прилепись к такому человеку, имеющему рассуждение, от него и научишься рассуждению» (349). А это значит (если делать логический вывод), что старчество есть и проявление действия благодати Божией и заслуга человека. Так оно было, так оно и есть: будущие старцы воспитывались, духовно возрастали, находясь вблизи своих великих учителей, впитывая их богопросвещенные слова и взирая на их жителство — ученики старцев становились, по милости Божией, сами старцами. Так старцем стал и отец Иоанн (†1991) — ученик великих схииеромандритов Серафима (Амелина) (†1958), Андроника (Лукаша) (†1974) и Серафима (Романцова) (†1976).

Старцы точно **определяли внутреннее состояние** людей, хотя и встречали их впервые. Видя человека, они начинали рассказывать его жизнь и называть самые сокровенные его грехи. Духовник Глинской пустыни иеромонах Варсонофий (XVIII—XIX вв.), — читаем в Патерике, — «имел от Бога такую благодать и чистоту сердечную, что провидел все внутренние тайные помышления приходивших к нему за советом» (109). А старец схимонах

Архипп (†1896) предсказывал перемены в жизни братьев, время их кончины, «предупреждал несчастья и падения» (483). Дар **пророчества** и «проникновения в тайники человеческих сердец удивлял многих и побуждал всецело отдаться руководству» старца. У посетителей «появлялась уверенность, что старец лучше их знает, в чем они нуждаются и что им полезно» (733).

Отличительным признаком старца было глубочайшее **смирение**. Старец никогда не хвалился своими заслугами, ничего себе не приписывал, не считал себя даже особым молитвенником. Наоборот: винил себя и в своих мыслях, и перед глазами обращающихся к нему. «Сознание необходимости помощи свыше, того, что он только исполнитель воли Божией, проводник благодати — это сознание всё в его душе покоряло глубочайшему смирению и наполняло её христианским спокойствием» (680). Схимонах Архипп (†1896), будучи уже хорошо известным старцем, продолжал смиренно вопрошать наставляемых лиц: «Так ли я сказал?» и добавлял: «Я ничего не знаю» (442). Смирена была и жизнь старца, и его слово. И это «смиренное слово было

вместе с тем и слово действенное, заставляло повиноваться и веровать; оно восставляло безнадежного, и плотского человека мало-помалу делало духовным» (251).

Изумительны у старца **терпение, спокойствие, уравновешенность** при всех обстоятельствах жизни. «С одинаковым терпением старец выслушивал и нелепое суеверие темного человека, и безверие ученого человека, и его безумное вольнодумство, и бессмысленную жалобу крестьянской женщины, и замысловатую пытливость барыни, и бесхитростный рассказ простолюдина, и хитросплетённую фразу мудрецов мира сего; ничто не могло возмутить его христианского терпения, его полного духовного спокойствия» (251). От старца никто не слышал «гласа нетерпения или ропота, никто не видел его в унынии» (686).

Старец — это великий **молитвенник**. Как правило, он имел дар непрестанной молитвы, день и ночь «вопил» к Богу (739). Духовная сила такой молитвы неизмерима. Она способствовала «одухотворению жизни учеников», просвещала их ум, очищала сердце, укрепляла «в подвиге доброделания» (110). О старце Нектарии (†ок. 1943), служение кото-

рого проходило в годы лихолетий Русской Православной Церкви, сказано: «По Промыслу Божию он не был ни арестован, ни сослан, а жил в Путивле, в затворе, в подвигах строгого поста, богомыслия и молитвы. Тайно принимал духовных детей на исповедь, каждую ночь неопустительно служил литургию. Все находили особое духовное утешение в том, чтобы молиться вместе с ним» (569).

Характерная черта старца — это самоотверженная **любовь** к Богу и людям, исполненная желанием и готовностью оказать всем помощь. «В обители, — рассказывает Патерик, — отец Исмаил тяжело болел (его мучил почти непрекращающийся кашель), но никогда не уклонялся от посетителей. Душепопечительность о духовных чадах всегда преобладала в нем над попечением о самом себе» (700). А об отце Иоанне сказано: «Любовь в старце достигла высоты евангельского совершенства. Всего себя, все свои силы, разум, сердце и волю принес отец Иоанн Богу и людям» (729). «Иногда казалось, что он составляет со своими духовными детьми как бы одно существо. Такой духовный союз укреплялся между ними главным образом

через молитву и через любовь к Богу и людям» (732).

Образ старца во всем его духовном величии представлен в лице схиархимандрита Серафима (Романцова) (†1976). Вот что о нём говорится в Патерике: «Это был духовник опытейший, знаток сокровенных движений человеческого сердца, обладатель духовных сокровищ, которые он приобрел долгим многотрудным подвигом. Особым духовным даром старца было умение принимать исповедь, вызывать людей на полную откровенность. Наделенный духовным рассуждением, отец Серафим всякому приходящему к нему давал наставления. С особенной отеческой любовью принимал он тех, кого терзали горести, печали, уныние, кто не знал, каким путем идти в жизни. Принимал и тех, кто был обуреваем сомнениями и жил вне спасительной ограды Православной Церкви. В то тяжелое послевоенное время столько горя было в каждой душе! Многие потеряли родных, близких, лишились домашнего очага; надо было поддержать и укрепить их веру. Отец Серафим выслушивал все скорби и тотчас залечивал раны душевные, давал нужные советы. Утешение, успокоение

и отраду вливали в души скорбящих наставления и молитвы любвеобильного старца. Его беседы, преисполненные истинного смирения, согревали охладевшие сердца людей, открывали им душевные очи, просвещали разум, приводили к раскаянию, душевному миру и духовному возрождению. Отец Серафим умел дать почувствовать, что земная жизнь — это лишь подвиг временного странствования на пути к вечной жизни; он призывал людей к жизни христианской, совершенной, возвышенной. Все его наставления имели своей целью святость в смысле отрешенности от всего мирского, земного, льстящего греховному человеческому разуму. Каждого призывал он стяжать в душе дары Духа Святого. К нему могут быть приложимы слова Христа Спасителя: *Иже сотворит и научит, сей велий наречется в Царствии Небесном* (Мф. 5, 19)» (679).

Встретить такого старца, как он описан в Глинском патерике, не просто. Приходится, в какой-то мере, согласиться с утверждением уже упоминавшегося выше протоиерея Василия Бабурина: «Сейчас очень трудно, не к кому обратиться — почти нет таких людей, сильных духовно» (Прот. В. Баурин. Цит. изд. С. 71. См. также на С. 62). Сейчас, к

сожалению, наблюдается некое новое явление — так называемое «младостарчество», когда за дела духовного руководства — этой науки из наук (я бы сказал — не науки, а величайшего Божественного Дара, ниспосылаемого только имеющим чистое сердце) берутся люди, которые сами, в лучшем случае, поднялись лишь на первую ступень нескончаемой лестницы на Небо, а в худшем — остающиеся у подножия её. Среди них есть и носители священного сана и миряне (!), причем, обладающие достаточно сильной волей, умеющие быть строгими к другим, требовательными, «непогрешимо» вещающими...

Глубоко назидательно в этом контексте **предостережение преподобного Иоанна Лествичника**: «Когда мы, — рассуждает он, — в намерении и разуме смиренномудрия желаем покорить себя ради Господа, и без сомнения верить спасение наше иному, то еще прежде вступления нашего на сей путь, если мы имеем сколько-нибудь проницательности и рассуждения, должны рассматривать, испытывать и, так сказать, искусить сего кормчего, чтобы не попасть нам вместо кормчего на простого гребца, вместо врача на больного, вместо бесстрастного на человека, обладае-

мого страстьми, вместо пристани — в пучину, и таким образом не найти готовой погибели». И дальше синайский игумен даёт весьма ценный совет, на который хотелось бы при данном сообщении обратить особое внимание: «Но по вступлении на поприще благочестия и повиновения уже отнюдь не должны мы испытывать или судить в чем-нибудь доброго нашего наставника и судию, хотя, может быть, в нём, как в человеке, и увидим некоторые малые согрешения. Если же не так, то, сделавшись сами судьями, не получим никакой пользы от повиновения» (сл. 4, § 6).

Чтобы безошибочно узнать подобных «руководителей» и отличить их от истинных, снова и снова надо обратить свой взор на святоотеческое учение, на Глинский патерик и вникнуть в то, чему учили старцы, как учили, что требовали от вверяющих себя их руководству, с каким духовным устроением уходили от них все — и довольные жизнью и обездоленные, и молодые и пожилые, и только вступающие в бурное земное море и уже стоящие у врат Вечности...

Вся эта тематика требует дополнительного рассмотрения.

Чему учил старец

Когда приходится отмечать, чему учил старец, то, прежде всего, обращаешь внимание на обстановку, в которой он пребывал во время встречи с посетителями. Так, о схимонахе Архиппе (†1896) рассказывается. «Пристрой-ка», в которой он принимал приходящих, напоминала часовню. Первое, на чем останавливались глаза, было большое распятие Христа Спасителя. Впереди креста стоял небольшой стол. На нём была икона и сосуд со святой водой. Перед иконой молились, а святой водой окроплялись. На стене висели три картины: одна изображала мужа, молящегося за ученика, скончавшегося и оказавшегося в огненной геенне. Другая — изображала видение святым Андреем юродивым некоего грешника, пребывающего под действием злой силы, и исповедников, венчаемых за их мужество. Третья картина представляла хождение по мытарствам святой Феодоры. «Такая обстановка приёмной отца Архиппа и сам он в схимнических одеждах, с худым бледным лицом, впалыми щеками, потухшим взором, чуждый всякого пристрастия, с седой клинообразной бородой невольно поражали всяко-

го и заставляли хотя на время отрешиться от земного и тленного, чтобы вспомнить «последняя своя». Взирая на старца, невольно приходилось переноситься мыслью в давно минувшие времена полного расцвета подвижничества, к образу древних великих аскетов, воспитанных безмолвием пустыни, вдали от всякой молвы сего мира. Казалось, в лице отца Архиппа воскрес один из тех ангелов во плоти. Не напрасно даже схимники называли отца Архиппа древним постником или одним из древних подвижников» (456).

Наставления старцев были весьма и весьма разнообразны. Указать можно лишь отдельные из них (не ручаясь за то, что они будут самыми яркими).

В основу советов старец полагал **смирение**, а из него выводил все прочие добродетели (252—253).

Здесь вспоминаются слова преподобного Исаака Сирина (VII—III вв.): «За смиренномудрием следует кротость и собранность в себя, то есть целомудрие чувств, соразмерность голоса, немногословие, небрежение о себе, бедная одежда, ненадменная походка, наклонение очей долу, превосходство в ми-

лосердии, скорое излияние слез, уединённая душа, сердце сокрушенное, неподвижность к раздражению, нерасточенные чувства, малость имущества, умаление во всякой потребности, перенесение всего, терпение, небоязненность, твердость сердца, терпение в искушениях, веские, а не легкие, мысли, угашение помыслов, хранение тайн целомудрия, стыдливость, благоговение... (Творения. Сергиев Посад, 1911. С. 213). «Если будешь трудиться в прекрасной добродетели и не почувствуешь, что вкушаешь от нее помощи, то не дивись. Ибо, пока не смирится человек, не получает награды за свое делание. Награда дается не за делание, но за смирение» (Там же. С. 148). «Что соль для всякой пищи, то смирение для всякой добродетели... Без смирения напрасны все дела наши, всякие добродетели и всякое делание» (Там же. С. 190).

Старец всегда восхвалял **чистоту** души и тела. Достигшим победы над пороком плоти — целомудренным он считал не того, кто не впадал во грех только телом, но того, кто и в своих мыслях, намерениях, желаниях был чист. Об иеродиаконе Серапионе (†1859) сказано, что он просил побеждаемых страс-

тями приносить покаяние, приносить с детской искренностью и быть уверенным, что нет греха, который превзошел бы милосердие Божие. «В пример приводил он Евангельскую притчу о пропавшей овце и оканчивал свое утешение скорбящим о грехах словами Спасителя: радость бывает на небе о едином кающемся грешнике более, нежели о девяноста девяти праведниках, не требующих покаяния» (178).

Последние рассуждения показывают, что старец призывал **не унывать** и, тем более, **не отчаиваться**. «Радуйтесь о Господе, а не унывайте, — говорил схиархимандрит Серафим (Романцов) изнемогающим в скорбях. — Вы сами знаете, что в унынии нет спасения, уныние помрачает душу и расслабляет чувства. Зачем унывать? Прочь уныние. Да возрадуется душа моя о Господе и уповает на Него» (680).

Согласно наставлениям старца искать спасения следует не в размышлениях на догматические темы, не «в использовании каких-либо внешних приемов созерцания, не в обрядности или необычных подвигах аскетизма», а **в молитве, богомыслии — страхе Божиим,**

труде, любви — мире со всеми... (700). Молитва, исходящая из глубины души, — это «пластырь, врачующий язвы греховные, и орудие, которым побеждаются враги плотские и бесплотные» (178). Страх Божий, или «всегдашнее держание себя в присутствии Божиим» — это вернейшее охранение от невидимых врагов. «Веруйте твердо от души, — говорил иеродиакон Серапион (†1859), — что близ каждого есть Бог и на всё зрит постоянно» (178). «Молитесь, трудитесь, пойте, читайте, — взывает другой Глинский подвижник, — всё во славу Божию творите, утешайте себя и говорите всё, что душу назидает и к Царству Божию ведет... Мир имейте между собой и святыню во всём — и в мыслях, и в делах; без сего никто не узрит Господа» (680, 684). Старцы обращают внимание на то, что мир и спокойствие надо прежде всего хранить «в своём семейном кругу» (253).

Беседовать должно об одном — «на потребу» и **избегать**, как опасного греха, **празднословия** (684). Старец настойчиво внушает: берегитесь пустых разговоров, не допускайте их. «Когда будут говорить что-нибудь непотребное душе, то тотчас же отдайте поклон с про-

щением... Что себе желаю, то и вам передаю и советую. Не от искры ли одной, иногда весьма малой и едва заметной, бывают великие пожары, и от малого зерна вырастает с течением времени великое дерево. Так и у нас: не из сердца ли исходят все помышления злые, за помышлением слова и беседы, а там уже дела и деяния. Поэтому всемерно нужно остерегаться греховных мыслей и мечтаний, свободных слов и разговоров... Памятуйте, что за всякое слово праздное воздадим ответ в день судный... Положи, Господи, хранение устам нашим и не уклони сердца нашего в словеса лукавствия» (684).

Также подобает за всё случающееся в нашей жизни **благодарить** Бога и переносить всё «с детской покорностью» (684). «Уста, всегда благодарящие, — учит преподобный Исаак Сирин, — приемлют благословение от Бога; и, если сердце пребывает в благодарении, нисходит в него благодать» (Цит. изд. С. 403).

Примечателен совет старца просить у Бога **премудрости и разума** (Ис. 11,2). — «Он внушал просить у Господа премудрости и разума для различения чистого от грязного, сладкого от горького и белого от черного, дабы муд-

рствовать не по плоти и стихиям мира сего, но по слову Писания и святых отцов» (177).

Наставляя в духовной жизни, старец учил **не пренебрегать малым** — в духовной жизни всё имеет значение — и малое и великое, и кажущееся ничтожным и представляющееся великим. «Знай, — поучает выдающийся Глинский подвижник XIX века игумен Филарет (Данилевский) (†1841), — что от пренебрежения малым и в сущности ничтожным переходим к пренебрежению великим. Кто начнет говорить: «Что за важность, если скажу это слово? Что за важность, если съем эту безделицу? Что за важность, если я посмотрю на ту или другую вещь?» — тот впадёт в худой навык и мало-помалу, попирая совесть, начинает пренебрегать великим и важным. Таким образом, закосневает во зле и находится в опасности прийти в совершенное нечувствие. Поэтому берегись пренебрегать малым, оно не малое, ибо через него образуется худой навык. Будем же внимать себе и заботиться о легком, пока оно легко, чтобы не стало тяжелым. Добродетели и грехи начинаются от малого и приходят к великому добру и злу» (33).

Все указания старца сводились к одной цели — **духовно обновить человека**. Об отце Исмаиле (в схиме Исихий, ск. после 1967) читаем: «Отец Исмаил умел подойти к душе грешника тем, что располагал её к духовному обновлению, умел найти в ней зародыши добра и побудить к произрастанию. Он видел эти спасительные зерна в каждой душе человеческой и соответственно воздействовал на них, пробуждая жажду истины, правды и святости. Отец Исмаил призывал искать и созидать Царство Божие внутри себя, не вращаться во внешнем, разбирая чужие недостатки и дела» (700).

Сущность наставлений старца выражена в уроках иеросхимонаха Макария (†1864): «Поверять свою совесть, быть в постоянной борьбе со своими страстями, очищать душу от грехов, любить Бога в простоте сердца, веровать в Него без рассуждения, беспрестанно иметь перед собой Его беспредельное милосердие, всеми силами души своей хвалить и благодарить Его; во всех неприятностях жизни искать вину в самом себе и всякую вину ближнего против нас прощать, дабы исходатайствовать тем у Господа прощение своих гре-

хов; стараться водворить в себе любовь к ближнему, чистосердечно участвовать как в радостях, так и в скорбях своих ближних; чаще вспоминать и стараться исполнять заповеди Божии и постановления Святой Церкви, несколько раз в году говеть и приобщаться Святых Таин, строго соблюдать посты, чаще бывать в церкви; каждодневно читать утренние и вечерние молитвы и хоть несколько псалмов, а ежели время позволяет, то читать Евангелие и послания апостольские; кроме того, утром и вечером молиться о упокоении усопших и о спасении живых, и во главе сей молитвы с благоговением молиться» о предержавших властях. «Если же какую-либо из сих обязанностей по каким-нибудь обстоятельствам не пришлось бы исполнить, то укорять себя в этом с намерением впредь сего не делать; молиться и за тех, к кому питаем какое-либо неудовольствие, так как это есть вернейшее средство к примирению о Христе; правду говорить в глаза; если случаются от этого неприятные последствия, то переносить их терпеливо, а за глаза никого не осуждать» (253).

Как учил старец

Характерен и весьма поучителен сам способ наставлений старца. Всё, что советовал старец, о чём говорил, основывалось на **Священном Писании и святоотеческих творениях** (680). В сохранившихся письменных трудах схииеромандрита Андроника (Лукаша) имеются выписки из «Отечника», «Луга Духовного» и других творений святых отцов, а также его собственные изречения, которые он «переписывал и раздавал своим ученикам» (670).

С целью большей ясности и убедительности старец сопровождал свои наставления рассказом жития какого-либо святого, а в беседе со стеснительными посетителями **применял предметы, понятные лишь тому, к кому они относились**. Так, один инок впал в грех, но открыть старцу не решался. Придя к нему, он застал там другого посетителя, и попросил старца лишь помолиться. — И как ответил старец на просьбу инока? — Обличил, но сокровенно: взял текст «надгробной стихиры» в великую субботу («Приидите, ублажим Иосифа приснопамятнаго...») и медленно прочитал. Слова же стихиры: «в нощи» и «увы

мне» прочитал особо громко и даже повторил. «Для меня, — вспоминает приходивший к старцу инок, — они имели особое значение, для других показывали благочестивое воспоминание страстей Господних. Так мудро «буй мира сего» может обличать мысли и страсти наши» (463).

Когда желания приходивших не согласны были с волей Божией или когда исполнение их могло принести вред, старец давал **совет противный ожиданию**. «Не рассуждая об этом, многие говорили: «Отец Макарий всегда скажет против твоего желания» (251). В данном отношении особенно поучителен совет того же иеросхимонаха Макария (†1864) одной женщине молиться о том, чтобы её постоянно болящая сестра умерла, ибо так будет лучше. Выполнить такой совет, конечно, было нелегко, и женщина не послушалась. И что же? — Вот свидетельство её самой: «Молиться о смерти сестры я не могла, она поправилась и выросла, но сделалась самой несчастной, так что, действительно, теперь я сожалею, что в то время не скончалась» (263).

Иногда старец **уединялся** с искренне ищущим совета. «После тайных бесед с ним, все отзывались о подвижнике высоко» (456).

Вместе с духовным чадом старец клал **поклоны**. «После наставления отец Архипп клал несколько поклонов о здравии посетителей, просил их приложиться к иконе, окроплял святой водой, давал им нравоучительные листки, книжечки, молитвы, крестики, смесь трав или кусочки хлеба» (457).

Старец **не допускал** каких бы то ни было **оскорблений** посетителей. О только что упомянутом схимонахе Архиппе (†1896) читаем: «Не наученный человеческой мудрости, но наученный от Духа Святого (1 Кор. 2, 13), отец Архипп был мудр во благое и прост на злое (Рим. 16, 19). Сам Господь умудрял его, как поступать в том или ином случае ради спасения ближних, не оскорбляя их, не выставляя себя и не обнаруживая другим душевного состояния проходящих» (464).

Хотя старец никого и не обижал, но **праздных не любил**. Так, когда некий господин из любопытства поставил перед отцом Архиппом ряд вопросов, старец сказал: «Я ничего не знаю» и молчал, пока праздный посетитель не ушёл. Так же поступил он и с другими двумя, заявившими о своём желании с ним побеседовать. Им он ответил: «Что скажу вам?

Я ничего не знаю; говорю, что мне келейники скажут» (456-457).

Самолюбивых, переоценивающих свои способности и потому не терпящих никаких замечаний, старец мудро спрашивал, как будто **незнающий**, и спрашивал именно то, что и нужно было для их пользы. А подчас просил их «прочитать ему то, что давало им нужное наставление» (465).

Духовный наставник мог быть и **строгим**. Так о старце Серафиме (Романцове) (†1976) сказано: это был смиренный служитель Божий. «Но смирение сочеталось в нём с ревностью о спасении душ пасомых.

Поэтому на исповеди он мог быть и строгим, когда требовалось, обличал прямо и смело, так что духовные дети подчас трепетали лишь от одного вида батюшки Серафима, сознавая свою греховность» (680).

Для всех, искренно приходящих, у старца были открыты объятия — их он безраздельно **«брал на себя»**, принимал близко к своему сердцу всё приносимое ими — и то, что казалось другим мелочным, незначительным и даже ничтожным. «Всех, кто с полной верой приходил к отцу Макарию, истинно желая поло-

жить благое начало исправлению и начать новую о Господе жизнь, он с искусством мудрого врача, читая прозорливым оком прошедшее, незаметно приводил к сознанию прежних дел, в которых теперь, по вступлении на путь спасения, следовало каяться, учил заглаживать их постом, молитвой и добрыми делами и не превозноситься этими подвигами богоугождения. Если же кто не сознавался, старец напоминал ему и давал должные спасительные наставления» (251).

Многим отвечали старцы и **письменно**. Их письма проникнуты глубокой любовью, искренностью, заботой и одновременно исполнены мудростью, высокой духовностью. Вот что, например, пишет иеросхимонах Макарий (†1864) одной монахине, похвалившейся своим подвигом: «Желаю тебе с помощью Царицы Небесной преуспевать во благое, не удаляясь от смиренномудрия. Письмо твое меня и порадовало, но вместе и озаботило напомнить тебе, чтобы ты не быстро смотрела на свои мнимые исправления (подвиги); помни, что Господь сказал Своим ученикам: «Аще и вся повеленная вам сотворите, глаголите, яко раби неключимы есмы», ибо вся наша прав-

да и добродетель, если не растворит Господь Своим милосердием, обрящутся пред Ним аки рубище, в срамоте поверженное; посему нам необходимо всегда смирять себя, а не возноситься и идти по совету премудрого средним путём, не уклоняясь ни на десно, ни на шуие; всегда нужно умерять себя, чтоб не быть ни слишком горячей, ни охлаждающей, ибо и то и другое не полезно; притом же старайся быть ко встречающимся оскорблениям сколько возможно снисходительной» (255). А с каким теплом пишет своему духовному чаду схиархимандрит Андроник (Лукаш)! «Мой родной сыночек... Не скорби... Буду молиться за тебя, родной, но ты и сам приложи свой посильный труд к этому делу... Матерь Божию нужно просить. Она никогда не оставит» (672).

И, наконец, что весьма важно в образе наставлений старца — всё, чему учил, тем и сам жил. «Советы отца Серафима (Романцова. — К.С), — читаем в Патерике, — имели огромный вес, так как он соблюдал сам в своей жизни то, чему учил других» (680).

Кто и с чем приходил к старцу

К старцам вереницами тянулись люди самых **разных судеб** и самых **разных характеров** со всех концов матушки России — и ближние и дальние (680,700). «Когда отверзлись двери тесной кельи отца Макария, — повествует Патерик, — все и всегда, и во всякое время могли идти к нему» (251).

С какими **нуждами** шли? — Также — с **самыми разными**. Одни шли с бедами семьи: разлад в семье, непослушание детей, увлечение их нехорошей компанией, потеря работы, измена друзей... Другие обращались с обычными житейскими вопросами: выходить ли замуж? Переехать ли в другое место на жительство, куда? Строить ли новый дом? Покупать ли участок земли?.. Немало приходило людей, страдающих разными болезнями, как правило, неизлечимыми. Человек, истративший всё своё состояние на лечение, теперь шёл к старцу с последней надеждой, что именно здесь он найдёт и «опытный совет» и «благодатную помощь» (251).

К старцу шли не только миряне, но и служители Церкви Христовой со своими горес-

тями. «Каждый из братии поверял старцу свою душу. Случалось ли какое искушение, возникало ли какое-либо недоумение или сомнение — со всем этим инок шёл к старцу, всё рассказывал ему... Если нападало на монаха уныние, отчаяние или он не мог найти места от какой-либо мысли, не зная, что и делать, то шёл к старцу» (110).

Горы вопросов обрушивались на старца. «И он имел великую силу, духовную мощь не только всё внимательно выслушать, но делом и советом реально помочь людям» (730). Старец вникал во все тайники сердец людей, всем отвечал, всех поддерживал, утешал, «своими мудрыми советами умел вовремя и правильно дать каждой душе единственно верное направление, ведущее ко спасению» (680). Уходили от него, получив «душевный мир и покой» (110).

Старец «легко разбирался во всём многообразии духовной жизни, так как сам внимательно трудился над устройением своей души», и Господь открывал ему Свою волю (700).

Что требовалось от приходящих к старцу

Хотя Господь посылал старцу Свои великие дары — прозорливость, видение внутреннего состояния человека, — тем не менее и от приходящих требовалось определённое духовное устройство.

Прежде всего необходимо было полнейшее **доверие** старцу. «Старчество очень полезно и спасительно, — свидетельствует Патерик, — но в основе его должно быть не просто повиновение, а доверие и откровенность между пастырем и пасомым, а также видимая духовная польза, какую получает спрашивающий о всех, даже самых мелких вопросах в духовной и практической жизни» (658).

С доверием неразрывно стояло **открытие** старцу **помыслов**. «Настоятель Филарет ввел в Глинском монастыре, по примеру Софрониевой пустыни, старчество с ежедневным исповеданием помыслов своему старцу» (57). И иноки Глинской пустыни, действительно, ежедневно открывали «духовнику всякую свою мысль» (571).

Требовалось всё делать лишь по **благословению** старца (571). В Глинской пустыни хо-

рошо помнили размышление преподобного аввы Дорофея (VI—VII вв.): «Не знаю другого падения монаху, кроме того, когда он верит своему сердцу. Некоторые говорят, от того или от другого падает человек, а я, как уже сказал, не знаю другого падения, кроме сего, когда человек последует самому себе» (93). Знали также и предупреждение преподобного Иоанна Кассиана (†435): «Ничем другим диавол не ведет инока к гибели, как внушает ему не слушаться отеческих советов и следовать своему мнению и своей воле» (93). Исходя из этих и им подобных святоотеческих указаний, глинские старцы указывали: «Самоволие — причина нашего охлаждения и нашей гибели. Душа самовольника мятется, скорбит и не знает куда идет. Скорбит от сознания тщетности своего труда без послушания там, где должно быть полное повиновение и отсечение своей воли. Мятется от укоров совести, ожидая будущей ответственности и за всякое слово и дело. И хорошо еще, если сознает, может быть, исправится; несознание при живом теле есть смерть души» (103). И поэтому без благословения не полагалось ни принимать решения (298), ни

что-либо делать. «Опытный духовный наставник... никому не позволял уклоняться в своеволие и всеми средствами поддерживал установившийся в обители порядок: ничего не делать без благословения старцев» (32).

О тех, кто доверяется определенному — одному старцу (258), открывает ему помыслы, всё делает по его благословию Священное Писание говорит: «Спасение есть во мнозе совете. Не говорит «в совете многих», чтобы с каждым советоваться, потому должно советоваться обо всём с одним (старцем или духовником) и не так, чтобы одно говорить, а о другом молчать, но обо всем советоваться; такому есть верное спасение во мнозе совете» (92).

Какими уходили от старца

Выходили посетители из кельи старца неузнаваемыми — не с тем устроением, с каким вошли.

Старец стяжал у Бога величайшую нравственную силу утешать людей, поддерживать их в несении жизненного креста. Об отце Иоанне (Маслове) сказано: «Умел утирать любые слезы, утешать во всяких невзгодах;

от него передавалась благодать мира и глубокого успокоения. Он обладал редким даром духовно воскрешать людей после нравственного омерщвления» (729).

Наставления старца, исходившие из опыта его святой жизни и выраженные со страхом Божиим, с добрым сердечным чувством, «иногда со слезами, производили сильное», глубокое «впечатление на слушателей» (457, 700). Печальные уходили от старца веселыми, скорбящие — **утешенными**, «отчаявшиеся — с надеждой покаяния, самонадеянные — смиренными, закоренелые грешники — возбужденными от греховного оцепенения» (251), ибо в сердце самого старца «царил благодатный мир» (510).

По святым молитвам старца **получали исцеление** и немощные духовно и больные телесно. Старец и подымал упавшего, и вселял надежду в отчаивающегося, согревал, успокаивал — **преображал** человека (670)...

Необходимость руководства старца

Путь ко спасению — это путь всей земной жизни человека. Пройти его одному без руководителя не только трудно, но и опасно.

«Нет несчастнее и ближе к гибели людей, не имеющих наставника на путь Божий», — утверждает преподобный авва Дорофей (497).

А преподобный Иоанн Лествичник, как бы продолжая раскрывать это утверждение святого аввы, говорит: «Обманулись все те, которые, предавая себя Богу, подумали, что не имеют нужды ни в каком руководстве. Ибо, кто без помощи наставника вступает в борьбу с духами злобы, тот бывает ими умерщвлен» (102—103). (Хотя в скобках, но замечу, что эти слова преподобного Иоанна Лествичника в Патерике цитируются дважды. Это не случайно: сим подчеркивается необходимость духовного руководства См.: С. 149). А сколько людей старец своим добрым словом, отеческой любовью, состраданием привел к Богу, возвел от земли к Небу!

Святые отцы Василий Великий и Григорий Синаит велят «искать духовного и искусного отца (руководителя) для отдания себя в повиновение» (92). Следуя им, схиархимандрит Серафим (Романцов) неоднократно обращал внимание на необходимость в деле спасения иметь духовного наставника, «так как мало кто имеет дар духовного рассуждения и мо-

жет различать плохое от хорошего» (684). А в своём завещании он как бы подводит итог служению старца, обращая внимание на его значимость: «Все вы были в моём сердце, обо всех вас болезновал, со скорбящими скорбел, с воздыхающими воздыхал, с плачущими плакал... Помните мою любовь к вам, ради которой я пренебрегал моей собственной пользой, но всегда искал только вашу пользу. Всем вам сострадал и во всякой скорби вашей сочувствовал вам» (686).

Своё представление о старце-духовнике мне хотелось бы закончить теми же словами, которыми и завершается Глинский патерик: «Народная тропа к могиле старца ширится. Искренняя вера в него как небесного покровителя и помощника не только не ослабевает в народе, но крепнет. По словам одного священнослужителя, к тому, кто помнит, свято хранит и исполняет советы старца, живет по его заветам, он так же близок, как при своей земной жизни. Будем бережно хранить в целостности и чистоте духовный образ старца, надеясь, что это ему угодно, а нам полезно» (753).

МОЛИТВА

«Выше терпения, выше всех добродетелей, богомудрый старец (иеросхимонах Илиодор, †1895) ставил молитву, через которую можно испросить себе у Бога всякие дары Божественной благодати»

Глинский патерик

В Глинской пустыни первостепенное значение придавалось молитве — и домашней (келейной), и, тем более, церковной. Молитвенный подвиг строился по образцу строгого Устава Святой Афонской Горы (54, 567). Согласно ему, неопустительно совершались все богослужения, непрерывно читалась Псалтирь, «совершались постриги в монашество и в великую схиму» (569).

Понятие о молитве

Святитель Московский Филарет (Дроздов, †1867) в своём Пространном Христианском Катихизисе Православной Кафолической Восточной Церкви даёт такое определение молитвы: «Молитва есть возношение ума и сердца к Богу, являемое благоговейным словом человека к Богу». Принимая это определение, глинские старцы наполняют его духовным содержанием. «Молитва, — по слову их, — есть дыхание души... Душа посредством молитвы

дышит святым, таинственным воздухом» (658). Молитва — это «пластырь¹, врачующий язвы греховные, и орудие, которым побеждаются враги плотские и бесплотные» (178). Для всякого человека молитва «есть источник жизни» (182). Духовная сущность молитвы, — «возношение ума и сердца человека к Богу» — открывает для спасающегося возможность постоянно в ней упражняться (549).

Какая должна быть молитва

Молитва должна возноситься от **смирненного сердца**. Именно смирение способно проникнуть через облака (Сир. 35, 17). Отсутствие его при молитве «есть признак уклонения в ложное направление, признак самообольщения, прелести или бесплодия» (658). Бог слышал молитвы смирненного старца Архиппа (†1896). Вот пример: один послушник попросил старца помолиться о том, чтобы увидеть во сне загробную участь еще живых родных. Старец помолился, — и послушник увидел своих отца и мать, «веселящихся в каком-то красивом доме». Но бабушка предстала его взору мрачная. Выслушав сон, старец «велел 40 дней молиться за бабушку, а бабушке на 40 дней затвориться и поститься, чтобы избежать участи грешных за гробом» (450).

Выделено жирным шрифтом мной. — К. С.

Молитва должна быть **пламенная**. Такую молитву имел инок Феодот (†1859). Когда он молился, столп света покрывал его келью. Один из братии, увидев сие, подошёл к месту подвига монаха Феодота, и его глазам открылась следующая картина: молитвенник стоял «на коленях перед иконою Спасителя, с воздетыми вверх руками, и из уст его выходил пук пламеновидного света, который, протягиваясь к иконе, разливался и освещал всё то место, где стояла икона» (188). О том же иноке сказано: «Когда старец Феодот молился перед сим крестом (распятого Спасителя), то от креста исходило яркое сияние света» (189).

«Живущие по плоти плотское мудрствуют и Богу угодити не могут» (Рим. 8, 8, 9). Они и живут и желают противное духу (Гал. 5,17). «Дух животворит, плоть не пользует нимало» (Ин. 6, 64). Следуя этим словам Божественного Откровения, Глинский патерик учит: «Кто хочет жить по духу, должен пребывать **непрестанно** в молитве» (419). «Непрестанно молитесь, за все благодарите», — говорит святой апостол (1 Фес, 5, 17—18). Отец Макарий (†1864) от брата Никиты настойчиво требовал творения непрестанной молитвы и, как толь-

ко, бывало, увидит его, всегда спрашивает: «А как молитва?» (419). Об архимандрите Иннокентии (†1888) сказано, что ночью и по утрам молился долго, и молитва для него была необходимостью — «скорее забывал о пище, чем о молитве, ибо насколько душа выше тела, настолько и пища души им ставилась выше телесной пищи» (227. См. и 229). А схимонах Лаврентий (†1881) «всегда читал молитвы или псалмы» — шёл ли в храм, в келью, на какое-либо послушание, или исполнял само послушание. «Замечено, что деревья, посаженные Лаврентием с молитвой, менее других подвергались порче и были более плодовиты» (361).

Всегда можно и нужно читать молитву Иисусову. Поучителен в этом отношении диалог между одним проезжим опытным старцем и гостинником монахом Евгением (†1894). Благодарный гостиннику старец спросил его, «читает ли он Иисусову молитву? — Читайте, батюшка. — Как читаешь? — Обыкновенно по четкам известное число молитв, как благословил мой старец-руководитель. — Устами только? — Устами. — Всегда? — Нет. — Надо всегда, только тогда она нам принесёт особенную пользу. — По моему послушанию трудно, —

постоянно отвлекаешься. — Старайся, и навыкнешь, тогда ничто внешнее не будет препятствовать» (414). О том, как правильно произносить слова молитвы Иисусовой, было открыто схимонаху Луке (†1898) Самим Спасителем. «Однажды явился ему на воздухе монастырский чудотворный образ Нерукотворенного Спаса, и от него был голос, чтобы он Иисусову молитву произносил медленно, внимательно» (511). Чтобы «далась Иисусова молитва, — по слову схимонаха Архиппа (†1896), — надо поститься». В понимании же сего старца пост — это «всегдашнее сухоядение», да и то в очень малом количестве (452). — Об отце Архиппе рассказывается, что однажды он пришел к брату, прилег на кровати и стал читать молитвы: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного»; «Владычице моя Пресвятая Богородице Дево, спаси мя грешного». Несколько раз повторив эти молитвы, он заметил: «Так можно лёжа читать молитву». После сего он встал и быстро ушёл. «Этим он дал понять, что лучше лежать с молитвой, чем без молитвы» (452). Делателю Иисусовой молитвы, согласно Патерику, надо иметь: «1) уединение с постоянным безмолви-

ем и охранением ума от всяких посторонних мыслей; 2) отсечение своей воли, с безусловным послушанием настоятелю; 3) истинное смирение, с безгневием, чуждым всякой раздражительности; 4) воздержание в пище и питии; 5) изнурение тела» (420).

Правильная молитва соединяется с **терпением**. «Молись до тех пор, пока не почувствуешь в себе особенной небесной отрады, имея которую ты способен всё встретить, всё вынести, всё сделать» (229).

Указывается и **время дня**, подлежащее сугубой молитве. Так о схимонахе Луке (†1898) читаем: «После обеда отец Лука молился за государя, настоятеля, братию, благодетелей, всех христиан и совершал старческое правило. Вечером подвижник был на вечерне и повечерии, на котором каноны Спасителю, Богородице, Ангелу Хранителю и вечерние молитвы слушал, закрыв глаза, не видя» (511). «Вкушаешь или пьёшь, — наставляет игумен Филарет (†1841) — путешествуешь или что-либо другое делаешь — не забывай молитвы, без молитвы нет оружия на брань» (98).

Совершается молитва стоя. Иеросхимонах Пахомий (первая половина XIX) никогда не

садился во время молитвы — ни в келье, ни в храме (106). Подобное свидетельство находим в Патерике и о схимонахе Лаврентии (†1881). Невзирая на болезнь, на старость, на искушения, отец Лаврентий бодро выстаивал все монастырские богослужения. Обыкновенно стоял он с закрытыми глазами и склонённой вперёд головой. Горел перед Богом, как горит восковая свеча «и этим немало озлоблял врага спасения». Однажды во время молитвы в храме он почувствовал сильные удары в него со всех сторон. Старец сразу понял, что это козни злой силы и твердо решил: останусь здесь, умру, но не уйду. Борьба продолжалась четверть часа, и Господь утешил ревностного молитвенника — сердце его исполнилось неизреченным веселием. «Такого отрадного чувства я никогда не имел, — говорил он, — и если бы служба совершалась 20 часов, я бы согласился стоять, лишь бы меня не покидала та небесная радость» (363).

Непременное действие при молитве — **крестное знамение**, а в положенное время и **поклоны**. Крестное знамение служит необходимым средством борьбы с греховными помыслами, рассеивает тьму греха и страстей, даёт

душе крепость, силу, низводит Божественную помощь (376—377). А как подобает класть поклоны, да и крестное знамение, учит своим примером схимонах Евфимий (†1866). «Он говаривал: «Смотри, брат, я тебе покажу, как нас учил старец Филарет». Он становился рядом с новоначальным братом, приняв позу благоговейного настроения; при этом внушал помнить, что предстоишь и поклоняешься великому Царю Небесному, зрящему на нас; он полагал внимательно на себя крестное знамение, тихо опускал на землю вначале правое колено, затем левое и поклонялся, касаясь челом земли. Затем, поднявшись на оба колена, он вставал вначале на правую ногу, потом на левую. У него так выходило, что поклон полагался на самом том месте, где ногами стоит молящийся» (294).

Наконец, Глинский патерик утверждает, что при молитве душа должна быть исполнена **«мира, истины и правоты»** (229). Если сего нет, молитва становится сомнительной, утешение от Бога не приходит. «Ангел, видя душу достойную, подаёт ей — утешение от Бога, а недостойную — лишает» (229).

Молитва келейная и церковная

Молитва может возноситься в любом месте. Например, архимандрит Иннокентий любил уходить ночью в лес и там «на лоне природы, бдел за себя, подкрепляясь молитвой на дневной подвиг» (230). Также удалялся в чащу леса и схимонах Евфимий (†1868). В лесной тишине, «в уединении от всякой суеты он предавался молитвенному созерцанию, к известному времени возвращаясь из леса в монастырь» (291). Но чаще всего местом молитвы служит келья (для мирянина дом, квартира) и храм Божий.

Об иеромонахе Анатолии (†1880) повествуется, что во время нахождения в келье он постоянно пребывал в молитве. Живущий с ним рядом инок «часто и долго слышал земные поклоны своего соседа-сомолитвенника» (211). (Хотя и в скобках, но можно заметить здесь: значит, и живущий рядом инок также творил келейную молитву.) У другого подвижника — иеромонаха Иеронима (в схиме Илиодор, †1895) — келейное правило увеличивалось, но постепенно — по мере духовного роста. Конечное его правило изумляет читателя. В него входило чтение: двух глав святого Еван-

гелия, одной главы апостольских посланий, трёх кафизм, покаянного канона. Отец Иероним клал «150 земных поклонов с молитвой Иисусовой, столько же поклонов с молитвой Богородице. Когда в церкви не полагалось земных поклонов, отец Иероним делал поясные поклоны; но, кроме того, он имел в правиле 33 земных поклона в память 33-летней земной жизни Спасителя и молитву св. Ефрема Сирина «Господи и Владыка» с земными поклонами. Эти всегдашние земные поклоны он не делал только в неделю св. Пасхи. Иногда старец находил еще время вычитывать какой-либо канон или акафист, не говоря о том, что, как служащий иеромонах, он вычитывал в келии все положенные каноны и молитвы, если их не приходилось выслушивать в церкви» (421). К сему имеется не менее важное добавление: «Иисусова молитва положена была ему во всякое время. Молитва умом в сердце совершалась у него сама собой, хотя бы он занимался чем-либо другим» (421). А в келейное правило монаха Петра (†1898) входило чтение дневного Апостола. Отец Петр, чтобы лучше воспринять содержание Апостола, прочитывал несколько раз, а затем, уже слушая в храме, «об-

ращал внимание клиросных на наиболее трогательные или особенно полезные места» (498).

Выше келейной молитвы стоит молитва в храме Божиим. О монахе Феодоте (†1859) говорится, что когда он был еще послушником, то уже тогда почувствовал «могущественное влияние на ум, волю и сердце» величественных священнодействий, совершаемых в храме, и особенно от принятия Святых Христовых Таин (181).

В церковной молитве присутствовавшие находили «духовную поддержку», черпали новые благодатные силы, возводящие душу в горние селения. Высочайшее одухотворение и возношение в небесный мир — «в высшие сферы Божественной жизни» — наступало при совершении Божественной Литургии. Поэтому и отношение к ней было в высшей степени благоговейное (106-107). «Служение иеродиакона Макария (†1864), — читаем в Патерике, — всегда отличалось особенным благоговением, заметным даже для других, несмотря на всё старание его скрыть это от посторонних взоров, — отличалось чувством страха и трепета пред величием Вседержителя, страшному престолу Коего он предстоял» (244).

Хорошо понимая важность церковной молитвы, в Глинской пустыни «тщательно» заботились о благолепии богослужения — стройности, торжественности, отчетливости и пения, и чтения (32, 50, 706). Чтение требовалось ровное, одинаковым голосом — по церковному (465). Во избежание ошибок не рекомендовалось читать на память. Когда монаху Петру (†1898) заметили, что он знает наизусть и потому пусть читает на память, инок ответил: «На память только слепые ходят и спотыкаются» (498).

Все богослужения совершались в Глинской пустыни строго по церковному Уставу — без сокращения, отчетливо, ясно, неспешно, с канонархом — и потому оказывали огромное духовное воздействие на предстоящих. Богатая красота песнопений и глубокий смысл читаемого проникали в самое сердце, воспитывали разум (706).

Решительно запрещались разговоры во время богослужения. «Отец Петр, — повествует Патерик, — не любил разговаривать в храме, других также учил стоять молча, благоговейно и со страхом Божиим» (498). Другой подвижник — иеросхимонах Паисий (середина

XX в.) — призывал не развлекаться, находясь в храме, «и не разговаривать, внимать чтению и пению, так как слово Божие, как слово Самой Божественной Истины, благодатной своей силой просвещает разум, очищает совесть и сердце, делает их способными к восприятию благодатных внушений» (654). Поступающие иначе строго обличались (257—258).

Храм — это дом Небесного Царя, и потому держать себя в нём надо соответственно величию, святости места. «Когда идёшь по церкви, — учит старец Евфимий (†1866), — будь внимательный, держа себя в таком настроении по внешности, в каком держат себя подданные в присутствии земного царя; по внутреннему же чувству помни, что на тебя зрит Царь Небесный, здесь, в храме Божиим, Он являет Своё особенное присутствие. Когда идёшь, по сторонам не смотри, руки держи по швам, ступай ногами тихо и благочинно, старайся проходить так, чтобы шествие твоё совершенно не было слышно, чтобы не помешать вниманию молящихся» (294).

Стремление пойти в храм, как и пребывание в нём должно стать жизненной потребностью спасаемого. Схимонах Евфимий (†1866)

в течение тридцати лет нёс пономарское послушание и потому почти постоянно находился в храме — входил первым, выходил последним после длительного богослужения. «Такое многолетнее пребывание во святых Божием, где приносится непрестанно славословие и хвала Господу сил, обратилось ему в такую привычку, которая требовала сего пребывания как бы какой жизненной потребности» (282). И когда он состарился, ослаб и уже не мог пономарить, продолжал приходить на все богослужения и выстаивать их от начала до конца. Когда ему стал изменять и слух, он брал скамеечку и садился возле чтеца. Иногда подходил к солею и склонялся на железную решетку грудью, подложив предварительно подушечку. «Старец Евфимий от сильных подвигов и постнического воздержания был очень сух, вследствие этого охранял свою измождённую грудь шерстяной подушечкою от жёсткости и холода железной решётки, на которую он склонялся» (293). В последние годы он уже не мог сам ходить в храм и по его просьбе братия водила и даже носила его. В храме он сидел неподвижно со склонённой головой, стараясь не пропустить рассеянню ни единого

слова. Свидетель сего усердия рассказывает: «Мне, пишущему эти строки, в то время часто приходилось читать около сидящего старца; смотря на него, я не раз думал, жив ли он или уж святая его душа отлетела в горние селения. По окончании богослужения он давал знать, и его отводили в келлию, а на следующее богослужение он опять просил вести его в церковь. Таким образом продолжали его водить, пока он уже совершенно не изнемог» (295).

Подобное можно сказать и о всех прочих глинских подвижниках: иеросхимонах Илиодор (†1895) посещал все богослужения «аккуратно и неопустительно, всегда отправлялся в церковь по первому удару колокола» (421). Схимонах Лука (†1898), перешедший для безмолвного жития в ближайший скит, приходил в монастырь на все богослужения, «несмотря ни на какую погоду» (510). Схимонах Архипп (†1896) не выходил из храма до конца богослужения — с раннего утра до обеда. В дни причащения отец Архипп после утрени оставался до утра, пока не заблаговестят утром к акафисту. В это время старец обыкновенно выполнял своё келейное правило» (478). (См. и с. 448—449). Схимонах Пантелеимон (†1895), если по какой-то причине не мог быть за богослужением, то потом вы-

читывал келейно всё положенное по Уставу (430). В Глинском патерике говорится, что глинские подвижники спешили в церковь на богослужение, как спешат на пожар (315). Звали они к такому усердию и других: «Зазвонят в церковь — как на пожар беги» (448).

Содержание молитвы

Святая Церковь молится о всех и «за вся». Естественно, что так учили молиться и глинские подвижники. Но в Патерике преимущественно подчеркивается молитва **за братию, за посетителей, за духовных чад, молитва об упокоении.**

О схимонахе Архиппе (†1896) повествуется, что он «более всего проливал слез, молясь за братию» (453). Он же усердно молился «за посетителей, заставлял и их молиться» (458).

Схиигумен Андроник (†1974) за своих духовных чад молился непрестанно. Об этом он свидетельствует сам: «Сколько есть моих сил, всегда днём и ночью я вас поминаю в своих молитвах» (670).

О молитве за отшедших в мир иной читаем: «Молитва об упокоении всегда полезна для живых и умерших. Поминование грешников

показывает к ним любовь, и Господь, пришедший грешников спасти, воздаёт нам за это Своею любовью. Тем более Богу приятно, когда мы почитаем Его угодников. Наша молитва ходатайствует им большую славу и вызывает их молиться за нас перед Господом» (482).

Сила молитвы

Сила молитвы велика. Молитва возводит в **атмосферу Небесной Жизни**, даёт духу силу, соединяет молящегося с торжествующей Церковью, спасает и от одиночества, и от уныния (699). Архимандрит Антоний (†1951) получал: «При постоянном молитвенном подвиге человек входит в духовное общение с небесным миром, переносится туда своим умом и сердцем, так что небесная отчизна становится для него близкой и родной уже здесь, на земле. Душа искренне молящегося всегда чутко реагирует на малейшее отклонение от норм нравственной жизни, побуждает его зорко следить за чистотой собственной совести перед Богом и всеми людьми» (600).

Особенная сила молитвы заключена в **имени Господа нашего Иисуса Христа**. «Призывание имени Сладчайшего Иисуса прогоняет злые мысли, просвещает ум, согревает сердце... Чего не может сделать благодать Божия!.. Иисусова

молитва, произнесённая с верой, многих избавила от злых помыслов, слов, дел и бед, многих обратила на путь спасения» (458).

О силе молитвы матери рассказывается в повести о послушнике Василии Милонове (†1859). До поступления в Глинскую пустынь Василий служил подполковником в гвардии в Петербурге и, будучи неверующим, вёл недостойную жизнь. Мать просила его бросать кутежи и одновременно усердно молилась за него. Господь услышал молитву матери. После очередных развлечений Милонов услышал настойчивый голос, призывающий его застрелиться. Позванный денщик, как верующий человек, уговорил барина осенить себя крестным знамением, как только повторится это бесовское действие. — Барин послушался, и голос мгновенно прекратился. Это понудило Василия коренным образом изменить жизнь — немедленно он подал в отставку и ушёл в монастырь (174—175).

Сильна и молитва **старца...** Об иеросхимонахе Макарии (†1864) сказано: «Молитве старца Бог внимал» (246). А по молитве старца Архиппа (†1896) была освещена тёмной ночью дорога, благодаря чему путешествующие вместе с ним без опасений проехали по краю глубокого оврага. Отец Архипп молча

молился, а как только опасность миновала, «открыл глаза и громко прославил Бога... С окончанием молитвы луч света исчез и воцарилась прежняя непроницаемая тьма» (451).

Необходимость молитвы

Еще в XIX веке великий старец Филарет (Данилевский, †1841) в своём «Поучении монахам» выражал тревогу, что многие «хотят приблизиться к Богу одними внешними трудами и подвигами без умного внимания и молитвы» (98). Поступающие так забывают, что им во время пострига вместе с чётками дан духовный меч — заповедь непрестанно произносить и сердцем, и устами: «Господи Иисусе Христе Сыне Божий, помилуй мя грешнаго» (98).

Молитва необходима: только с ней можно «блюсти сердце» (97). Молитвой достигается высочайшее благо — «присвоение» нас Богу, пребывание с Ним. «О ней и следует нам пещись, сколько есть сил» (98). Наипаче она нужна пастырю Церкви Божией. «Обращаясь умом и сердцем к Богу, истинный пастырь всегда питает в себе дух молитвы: каждое благоговейное слово обращения к Богу есть молитва или прошение, или благодарение, или

славословие. Имея всегда в мыслях Бога, он не может не молиться» (614).

Без молитвы невозможно «привлечь к себе благоволение Божие и иметь успех в своих трудах и духовных подвигах» (182). И потому не помолившись «нельзя ничего начинать. О всяком деле прежде помолись и успех его предай Богу» (229). О схиигумене Андронике (†1974) Патерик свидетельствует: «Ни одного решения не принимал старец без усердной молитвы. За своих духовных детей молился он непрестанно» (670).

Стяжание молитвы

Продолжая наставление о необходимости молитвы, Глинский патерик учит: «Кто не имеет чистой молитвы, во внутреннейших сокровенностях души, дабы призыванием Господа Иисуса Христа незримо был бичуем враг, тот не имеет оружия на брань, потому что на себя надеющийся, а не на Бога, падает падением ужасным» (419). — Отсюда вывод: надо иметь молитву, надо её стяжать. «Если хочешь кратким словом воспользоваться любознательного, — читаем в Патерике, — укажи ему молитву» (458).

По утверждению старца Герасима (†после 1918) стяжание истинной молитвы есть боль-

шой и настойчивый труд. Нельзя ждать часа, когда придёт расположение к молитве, а должно «всегда понуждать себя к ней». Перед тем как приступить к молитвенному правилу, христианину нужно подготовить себя к нему: удалить все посторонние мысли, успокоить чувства и вспомнить о Том, к Кому он обращается с молитвой. Старец говорил, что мы должны дорожить временем молитвы и помнить: погибает тот день и час, в которые человек не призывает Господа» (549). Когда один из учеников другого великого глинского старца Архиппа (†1896), ссылаясь на болезнь ног, не пошёл в храм Божий на молитву, старец заметил: «Надо принуждать себя» — и показал ему раны на своих ногах. Как свидетельствует очевидец, «страшно было смотреть на них» (449).

Для стяжания истинной молитвы «необходимо внутреннее внимание, необходимо смирение, сокрушение сердца и покаяние» (658). Чтобы достигнуть постоянной молитвенной настроенности, рекомендуется «как можно чаще повторять в уме краткие молитвы: «Господи помилуй», «Господи помоги», «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешнаго» (549). При этом подвиге, как и при всяком другом, нельзя надеяться лишь на свои

силы. Надо просить — молить Господа «ниспослать дар молитвы» (549). И старец Герасим не только понуждал своих духовных чад к стяжанию молитвы, но «и сам просил Господа о правильном (их) молитвенном устроении» (549).

Образцы молитвы

Весьма важно, что в Глинском патерике представлены и образцы молитвы.

Патерик призывает непременно возносить Господу молитву преподобного Арсения Великого (†ок.450): «Боже мой! Не остави мене: ничего не сделал я пред Тобою доброго, но дай мне, по благодати Твоей, положить тому начало!» и добавляет: «Ибо всё спасение наше в благоутробии и человеколюбии Бога» (100).

Здесь же приводится и молитва иеросхимонаха Макария (†1864), постоянно читаемая им при совершении келейного правила: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, прости меня грешного, нечистыми устами словеса Святого Евангелия Твоего изрекшего: глаголю и не исполняю Твоих повелений. Ты, Владыко, пришел еси оживотворити умерщвленные грехми, просвети Евангелием Твоим ум, сердце и укрепи душевный мой храм, да не вотще учуся и возвещаю словеса Твои. Господи, Господи!

Мудрости истинной Наставниче и смысла Подателю, душу мою объемь верою в словеса Тобою реченные и умягчи ю, да излиется пред Тобою, и аз буду в Тебе и Ты во мне, Благодарителю мой, да никогда не удалюсь от любви Твоей. Ты мое пристанище, Ты тишина моя и спокойствие сердцу моему. Пробави милость Твою ведущим Тя, Тобою бо живем, движемся и есмы и Тебе славу воссылаем ныне и присно и во веки веков» (245-246). (См. на с. 152 и молитву-стихотворение архимандрита Макария Глухарева, †1847).

Итак, «блажен человек, который пребывает в молитвах,... с радостью предстоит на бдениях, борется и прогоняет сон, преклоняет колена на Божие славословие, возводит очи на небо к Господу и размышляет о Сидящем на Престоле Славы, Испытующем сердца и утробы (Ап. 2, 23). Такой насладится вечными благами и соделается другом, братом, сыном и наследником Божиим; лице его воссияет, как солнце в день судный в Царствии Небесном» (Св. Кирилл Александрийский, †444). (480).

ЧТЕНИЕ СВЯЩЕННОГО ПИСАНИЯ И ТВОРЕНИЙ СВЯТЫХ ОТЦОВ

В неразрывную связь с молитвою глиньские подвижники ставят чтение Священного Писания и творений святых отцов Церкви. — Один известнейший из них схимонах Архипп (†1896) не только в храме Божиим, но и вне его всё время «проводил в молитве или чтении Священного Писания». Кто бы ни пришёл к нему, старец «заставлял прочитать одну-две главы из Апостола, Евангелия или кафизму из Псалтири. Иногда он сам приходил к кому-либо из живущих с ним в одном коридоре и также просил почитать Псалтирь или Евангелие. Кроме того, любил читать или слушать акафисты и Киево-Печерский патерик. Из последнего — преимущественно жития преподобных Марка пещерника, Пимена многоболезненного и Прохора лободника. Не без причины сии преподобные пользовались особенным вниманием подвижника. Он сам старался им подражать, видя в их житии некоторое сходство со своими стремлениями. Нередко отец Архипп заставлял кого-либо читать акафист святителю Тихону Задонскому, который «житию бесплотных поревновал,

подвигам древних святых отец подражал и самоотвержение всецелое показал» (3-й и 7-й ирмосы акафиста)» (444).

Чтение Священного Писания

Святое Евангелие — это «Книга Духа» (638). Слово Божие уподобляется Лучам Трисолнечного Божества. «Кто смотрит на лучи солнечные, — поучает схимонах Лука (†1898), — тот просвещается, но кто пристально смотрит на самое солнце, у того зрение помрачается. Лучи Трисолнечного Божества суть Священное Писание: чем более мы поучаемся в Божественных словесах оно, тем более ум наш просвещается в познании дел Божиих, сердце наше исполняется любовью к благочестивой вере» (518). Это свет, показывающий путь к вере. «Оно есть луч Божественного Света, оно просвещает ум и даёт разуместь предметы веры, сколько естество человеческое вместить в себя может; оно не только руководит к вере, но и научает, какая вера есть спасительная; оно объясняет, какая есть та вера, о которой рек Господь наш: «Веруй и крестивыйся спасен будет» (Мк. 16, 16). Оно научает нас, что спасительная вера есть вера любовью поспе-

шествуема. Когда вникнете в Священное Писание, то узнаете, что ко спасению нашему нужна таковая вера, а не знание сокрытого от нас» (518—519).

Чтение (изучение) Священного Писания (и понимание его в свете святоотеческого богословия) — «путь к истинному Богопознанию» (640). Оно научает видеть волю Божию и, проникая в тайники души человека, «показывает ей ту греховную нечистоту, которой она погрязла и осквернилась» (702).

Приступать к чтению слова Божия следует после совершения молитвы о том, чтобы Господь помог нам уразуметь Его Закон. Надо также смирить свой разум и примирить чувства. Само чтение должно быть вдумчивым, благоговейным, исполненным внимания, ибо «каждая йота его испускает луч жизни, а пренебрежение жизнью ведет к смерти» (633). Схиархимандрит Илиодор (†1879) наставляет: «Священное Писание старайся изучать тщательно и понимать правильно, чтобы не толковать его в пользу своих прихотей и от горделивого мнения показывать себя сведущим для применения к другим» (348). Святое Евангелие — Книга Духа, а значит, и пони-

мать его возможно лишь духовным разумом; ум плотской не может воспринять его. Только для того, кто оставил греховную жизнь, все плотские привязанности и наслаждения, Евангелие становится доступным и понятным. Человек, привязанный к земле, читает букву, но слово жизни, как дух, остаётся для него за непроницаемой завесой. Чтение Евангелия должно быть неразрывно связано с осуществлением в жизни всего того, что оно заповедует. По мере исполнения Евангельских заповедей будет открываться и бесконечная глубина Евангелия» (639). Потому-то старец Мелетий (†1960) читал Священное Писание с величайшим благоговением, вниманием и «знал наизусть всю Библию. Никакое внешнее послушание не могло отвлечь его от размышления о Слове Божиим, которое он действительно носил в своём уме и сердце» (638).

Глинские старцы рекомендуют при различных недоумениях и трудных обстоятельствах, дабы выйти из них непогрешительно, обращаться к Священному Писанию. «Чадю, — поучает православного христианина старец Илиодор (†1879), — если ты желаешь, чтобы твои действия были непогрешительны, поста-

райся, чтобы они всегда были основаны на Священном Писании... Ты старайся всё прилагать к себе. Например: если предстоит тебе какое предприятие, в котором иногда встретятся недоумения, ты тогда обратись к Священному Писанию постарайся подыскать основание для предстоящего тебе дела, сообразно святому учению. Если так настроишься поступать, то действия твои будут непогрешительны» (348—349).

Если при чтении встретится что-либо непонятное, старцы не советуют останавливаться на нём своё внимание — «всё придет тогда, когда ум придёт в «мужа совершенна»» (639).

Чтение творений Святых Отцов

Некоторые глинские старцы — строгие хранители сердечной чистоты — отдельным молодым послушникам не советовали «читать до известного времени Библию» (348). Так советовал поступать схиархимандрит Илиодор. И когда его советы стали восприниматься неверно, что, мол, святую Библию читать грешно, старец сказал попросившему разъяснить недоразумение следующее: «Да, чадо... они не понимают, — вот и говорят. Можно ли допу-

стить мысль, что эту святую великую Книгу грех читать?! Я тебе, чадо, расскажу самую причину, почему я не советую молодым читать Библию, чтобы ты знал, да и другим рассказал. Не советую читать потому, что она им не принесёт пользы: они не обучились ещё духовной брани и не могут по немощи охранять своё сердце от прилогов, а страсти в них кипят. В Библии же много повествуется о некоторых плотских грехах, которые могут возбуждать воображение к страстным похотным пожеланиям и осквернять сердце, а это для действующего, стремящегося к сердечной чистоте, очень вредно. Вот вместо пользы, которую они могли бы получить от чтения, они получают вред. Видишь, чадо, почему я не советую читать Библию тем, кто не может ещё поставить ум свой на страже. Враг наш диавол всяким случаем пользуется, чтобы забросить в наше сердце свои зловредные семена» (348). Но тут же старец не преминул заметить: «Молодым братьям полезнее читать те книги, которые разоблачают козни врага, разъясняют движение страстей, через которые он действует, и поучают духовной брани. Таковы книги святых отцов подвижников, ко-

торые исподволь прошли весь путь подвижничества и передали нам в своих писаниях для нашего назидания» (348).

В Патерике святоотеческие творения именуются наряду со Священным Писанием «святой сокровищницей», в которой есть основания на всё, что нужно для спасительной жизни (348), руководство к благочестию, добродетели (702). Богопросвещенные отцы, богомудрые подвижники «опытом познали человеческую природу, все её немощи, страсти, пороки, причины грехов, все хитрости и наветы духов злобы и средства побеждать их, глубоко постигли путь благочестия и спасения и этот свой богатый опыт духовной благодатной жизни оставили в своих писаниях» (702). В их творениях запечатлен дух подлинного христианства — образ святой веры и жизни (702). Потому-то у схимонаха Луки (†1898) настольной книгой — всегдашним руководством — были «творения преподобного Симеона Нового Богослова, высокого по жизни и строгого по учению, изложенному простой речью» (508).

Итак, чтение Священного Писания и святоотеческих творений в духовной жизни занимает одно из первых мест делания. Ещё до принятия монашества, старец Павел († после 1961), проводя благочестивую жизнь, знал, «что сердце человека никогда праздным не бывает, и он всегда стремился заполнить своё сердце молитвами и чтением Слова Божия, чтобы диавол не заполнил его своими скверными мыслями и пожеланиями» (703). А старец Лука († 1898) всё своё «свободное время заполнял чтением святоотеческих книг и богомыслием» (511).

СМИРЕНИЕ И ПОСЛУШАНИЕ

Что необходимо для спасения?... — Помнить, что начало смирения есть, а конца нет.

«Свеча Богу. Московский старец — протоиерей Василий Серебренников»

Приведенное в эпиграфе наставление, принадлежащее московскому старцу протоиерею Василию Серебренникову (†1996), можно продолжить так: и послушание имеет начало, но не имеет конца. Действительно, обе эти добродетели бесконечны, как неопределимо временем и дело нашего спасения.

Смирение

Как следует понимать смирение? Что такое смирение? Какова его ценность? Необходимо ли оно? Есть ли достойные примеры стяжания его?.. — Вот целый ряд вопросов, встающих сразу, как только на строке или на устах появляется хорошо всем знакомое слово «смирение».

По учению Глинского патерика, **смирение** — это есть «основное религиозное чувство»; это «способность видеть истину. Смирение открывает нам глаза, и мы можем видеть даже и малые наши прегрешения»(619). Смирение

состоит в том, чтобы нам «признать себя достойными того положения, в котором мы находимся, и недостойными положения лучшего и высшего, даже в духовном отношении, и покорно предавать себя воле Божией» (644). Смиранный не только не оправдывается, но готов принять на себя и чужую вину (102).

При определении, что такое смирение, вспоминаются беседы уже названного (мне известного) великого московского старца протоиерея Василия Серебренникова (я позволю себе несколько отойти от Глинского патерика). Отец Василий в своих проповедях любил обращаться к житиям святых, ибо это один из лучших способов донести до слушателя ту или иную объективную истину. Так поступил он и рассуждая о смирении. Один подвижник, рассказывал старец, жил в пустыне, где проходил свой земной путь в строгом посте. Но вот он пришёл в монастырь, где был позван на трапезу. Во время трапезы он стал вкушать поспешно и больше, чем другие. Это настолько смутило трапезника, что последний вышел из трапезной. Подвижник, имевший от Бога дар провидения, пошёл вслед за трапезником и спросил его:

«Брат, скажи мне, что такое смиренномудрие?» Трапезник затруднился в ответе. И дальше состоялся такой — весьма поучительный — диалог. Старец сказал брату-трапезнику: «Смиренномудрие есть то, чтобы никого не осуждать, а ты меня осудил, что я много ел, а вспомни, когда ты видел меня последний раз в трапезной?» Брат ответил: «На Вербное воскресенье». — «А сейчас, — заметил старец, — Петров пост». Тогда трапезник упал ему в ноги и просил прощения, а старец продолжал говорить, что не надо никого осуждать и считать себя лучше других. Вот ты поёшь, а как поёшь? Надо так петь, чтобы сердце и ум вместе славили Бога. И старец запел: «Аллилуия! Аллилуия! Аллилуия!» Это звучало как ангельское пение и было настолько сладостно, что трапезник умилился» («Свеча Богу...» Цит. изд. С. 139).

Ценность смирения неизмерима. Смирение считается «главной добродетелью» (644), первой, основанием для всех прочих добродетелей (442).

Об иеросхимонахе Макарии (†1864) читаем в Патерике: «Усвоив себе мать дарований — смирение, он поставил его во главе прочих

добродетелей. Смирение выражалось в словах и делах его, в одежде и в каждом движении; словом, в короткое время он стал образцом смирения, ради которого, по слову святых, волны благодати в душах поднимаются, чистота сердечная воссиявает; бывает обильное излияние слез, ключом бьет сокрушение; в смирении — мудрость, разум, благоговение, воздержание, безгневие и всякое другое добро и есть, и видится, и славится» (244).

Смирение не допускает нас до греха — охраняет нас (128), разрушает все козни врага спасения (415) и помогает достигнуть возможного для человека совершенства. Старец Пахомий (†ок. 1821) учил: «Христианское совершенство состоит в глубине смирения. Все труды и подвиги наши только тогда будут иметь ценность в очах Божиих, когда будут основаны на смирении» (107). Смирение приносит внутреннее успокоение — «кто всегда винит себя в неправильных поступках, тот пребывает в спокойствии» (128). Смирение рождает и рассудительность (128).

О ценности смирения, его силе свидетельствует такой факт: на старца Евгения обрушился со всей злобой один крестьянин и хо-

тел было ударить его в лицо. Но старец смиренно поклонился ругателю и, не будучи виновен, попросил прощения. Крестьянин был поражён таким поступком и сам со слезами пал на колени. Отец Евгений великодушно простил его и сказал ему несколько добрых, полезных для душевного спасения слов. «С тех пор, — заключает повесть Патерик, — несколько лет, до самой смерти отца Евгения, этот крестьянин приходил за советом к «младому монаху». Такова сила смирения, — она и врагов делает друзьями» (415).

«Весь секрет спасения — в смирении, — опять-таки хочется вспомнить и наставление московского старца отца Василия, — но мало кто его понимает — требуется очень много труда, чтобы понять его: понять, что ты грешник, и желать одного покаяния и помилования» (Свеча Богу... Цит. изд. С. 46). Потому-то старец Серапион (†1859) болел душой за тех, которые горделиво самовозносились, а смирялись лишь тогда, когда к сему понуждали складывавшиеся не в их пользу обстоятельства. Но и в этом случае старец, сам показывая пример смирения, не осуждал их, хотя и смирившихся по нужде, и в назидание

прочим говорил: «Если б хмелю не мороз, то он дуб бы перерос» (178).

Уже эти рассуждения показывают, насколько необходимо смирение. Но в Патерике имеются и другие — прямые свидетельства о сем. «Прежде всего, — цитируются слова преподобного аввы Дорофея (†620), — нужно нам смиренномудрие, чтобы быть (всегда) готовым на каждое слово, которое слышим, сказать: «Прости!»» (99). Без смирения «нельзя познать истины» (619). Смирение — основание «всех добродетелей» (418), и без него «человек не может стяжать никаких дарований Божиих» (107), никто не сможет «наследовать Царствие Небесное, ибо «Господь взирает *только на кроткого и смиренного и трепещущего словес* Его» (Ис. 66, 2)» (418). «Если мы не будем иметь... смирения, — наставляет одного брата старец Петр (†1898), — то все российские монастыри обойдём и ни в одном из них долгое время спокойно и богоугодно не проживем, а, следовательно, и в Царствие Небесное не войдём» (500).

Путь к смирению не лёгок — на нём встречаются камни, тернии, пороги... Хотя само смирение — это величайший Божий дар, но,

по слову схиархимандрита Серафима (Романцова, †1976), «приобретается он многими трудами и потами» (680). Потому старец Илиодор (†1879) советовал всем подвижающимся «неустанно трудиться» над стяжанием смирения и «укоренением в себе этой добродетели, неприступной для врага и охранительной для подвижающегося» (349). Надёжным посохом в этом шествии служит покорение своей воли другому — более искусному, более опытному подвижнику. Если же не найдётся такого руководителя, «то, — читаем в Патерике, — покори себя хотя самому простому, незлобивому, но благоговейному, обращай к нему за благословением на всякое предприятие. Благоговей перед ним и призывай его молитвы в помощь, они для тебя спасительны. Одно то, что ты не будешь на себя надеяться, а на молитвы другого, будет защитой от врага, так как в этом есть смирение» (349).

Рекомендуется также чтение святоотеческих наставлений. «Душа, читая повествования о великих добродетелях святых отцов, делается более смиренной в мыслях своих» (53).

Иеромонах Иулиан (вторая половина XIX — начало XX), «воспитывая смирение»,

применял метод (нередко практикуемый в монастырских поселениях) — новоначальным «он умышленно делал несправедливые выговоры» (551).

Самый прямой и самый доступный путь к стяжанию смирения — это «почаще открывать свои немощи на исповеди, а также приучать себя к самоукорению» (619).

Но, указывая прямой путь к смирению, Патерик напоминает: «Эта добродетель даётся уже совершенным и есть верх совершенства» (193).

Ярче всего смирение выступает в **примерах** подвижников, стяжавших эту добродетель.

Так, в житии иеромонаха Василия (†1831) встречается такой эпизод. Один из иноков Глинской пустыни вскоре после пострига возгордился, начал думать только о себе, а других презирать. Узнав об этом, отец Василий усердно помолился Богу и, как только увидел погибающего брата, смиренно пал ему в ноги и также смиренно обратил к нему своё отеческое слово. Этот поступок старца духовно переродил инока. Под руководством старца бывший гордец, как повествует Патерик, «за короткое время стяжал высокую добродетель смирения» и говорил потом о себе: «Я никог-

да не ощущал в себе такой душевной отрады и умиления, как чувствую в себе ныне» (123).

О старце Феодоте (†1859) сказано, что он по смирению «всегда уклонялся от почестей», садился «ниже всех», считал себя недостойным даже иметь отдельную келью (193).

Иеромонах Иона (†1960) старался не замечать в себе какие-либо духовные достоинства и всё совершаемое им относил к щедрой милости Божией. «Он всегда умел смирить себя и в своих собственных глазах, и в глазах своей паствы» (636–637).

Монах Мартирий (†1865) весь свой подвиг проходил с глубочайшим смирением. Чтобы положить пределы всяким влечениям, пожеланиям, которые тянут к славе, к почестям, и «проводить жизнь в глубоком смиренномудрии, он решился отклонить от себя всякое предложение к священному сану наотрез, чтобы пресечь самые причины, побуждающие к почестям» (271).

Руководствуясь «подвижническим смиренномудрием», наотрез отказался принимать священный сан и схимонах Евфимий (†1866). Настоятелю, уговаривавшему его, он сказал: «Отче святой! Тому, кто должен учить других,

надо прежде постараться самому всё знать, а я ещё только начинаю учиться» (290). А братии, смущавшейся его решительным отказом, говорил: «Чтобы успешнее вести брань со страстью честолюбия, для этого лучше отсечь раз навсегда самые причины, возбуждающие в нас поводы к честолюбию, потому что пожеланиям нашего ветхого человека конца нет. Если получишь одно, то хотения наши разгораются к получению ещё другого высшего, если получишь другое, пожелания ещё более умножаются к получению ещё высшей степени, и так далее и так далее. Получив сан диакона, непременно пожелаешь получить сан иеромонаха, а далее также пожелаешь получить набедренник, а ещё далее и какую-нибудь почетную должность, и так в этой области нашим пожеланиям нет предела. Посему самое лучшее — сразу преградить путь этому отсечением причин к получению почестей. Заменить всё одним исканием приближения к Богу; этим путем душа наша скорей достигнет желанного покоя» (290). Отказавшись принять сан, схимонах Евфимий избрал подвиг меньшего слуги в алтаре Господнем — стал «прислуживать всем священнослужителям». Мно-

гие его ученики поднялись по служебной лестнице, а он продолжал со смирением подавать им кадило, целовать их руки, «не обращая внимания на то, что эти ученики, почтенные иеромонахи, обращались к нему с глубоким уважением и благоговением и принимали от него уроки жизни» (290–291). Но следует здесь же отметить, что, отклонив от себя священный сан, схимонах Евфимий впоследствии не советовал некоторым братьям без уважительной причины «уклоняться от предлагаемого священства» (290).

Явил глубочайшее смирение схимонах Лука (†1898) — себя считал хуже всех, всем низко кланялся и у всех просил прощения. «Впрочем, — читаем в Патерике, — смирение отца Луки не препятствовало ему делать необходимые внушения» (512).

А схиархимандрит Андроник (†1974) даже походкой своей обнаруживал царившее в его душе смирение — «ходил всегда смиренно согнувшись» (868).

Отличались смирением также схиигумен Кириак (†1961) (645) и иеромонах Варсонофий (XVIII–XIX вв.). О последнем Патерик свидетельствует: «Отец Варсонофий отличал-

ся глубоким смирением. Он часто напоминал братии, что истинное внимание заключается в том, чтобы чем-либо не превознесеть, но всё покрывать самоукорением и смирением» (109).

Особенно поучительно явил смирение схимонах Архипп (†1896). Это один из величайших глинских подвижников (его при жизни считали святым), который жил в XIX веке, но по своей высоте может равняться с аскетами Востока IV—VI веков — периода расцвета монашества: преподобными Антонием Великим (†356), Пахомием Великим (†348), Иларионом Великим (†ок. 371), Евфимием Великим (†473), Саввой Освященным (†532) и др. Смирение для отца Архиппа стало как бы его природой. При малейшем недовольстве брата, старец тут же просил у него прощения. Если где-либо заходила речь с осуждением кого-либо, отец Архипп, как правило, говорил: «Он выше (достоинее) меня». «Сей простейший из простых смертных, — говорил о нём один из его почитателей, — при помощи Божией мог победить всякое возношение и тем сохранил все свои добродетели нерасхищенными, ибо только смирением сохраняется сделанное» (442). На стар-

це Архиппе исполнились слова святых: «Кто гонится за славой, слава бежит от него, и кто бежит от славы, она следует за ним» (443). Исполненный смирения, отец Архипп убежал от славы, но она шла за ним неотступно. В последние годы его подвига, когда он «пришел в состояние бесстрастия, ему не страшны были враги, не страшна была и слава. Врагов он победил смирением, славу же — полным презрением. Вот почему жизнь его была вполне открыта и назидательна для окружающих. Но смиренный старец, желая и других научить смирению, не только не позволял прославлять себя, но не любил, когда и других прославляли. Если начинали живых и вполне достойных хвалить, отец Архипп спрашивал: «Святой он?» Потом добавлял: «Умрёт, тогда посмотришь». Этим он давал урок: никого не прославлять ранее смерти (Сир. 11, 28)» (443—444).

Велико, привлекательно смирение! «Истинно смиренный всех, как себя, любит, никого даже и мысленно не осудит, всех сожалеет, всем желает спастись, видит свою греховную нечистоту и со страхом помышляет, как будет от-

вечать на суде Божиим, но не предаётся отчаянию или унынию, а твердо уповает на Создателя и Спасителя своего. Истинно смиренный, если имеет от Бога дарования — молитву или слезы, или пост, или иное что, то всё тщательно скрывает, ибо похвала людская, как моль или ржа, всё изъедает» (680) (Слова схиархимандрита Серафима Романцова).

«Блажен, кто в здешней жизни уничтожает и смиряет себя ради Бога: он возвеличен будет Всевышним Богом, и прославлен ангелами и не станет на Суде ошую!» (480) (Слова св. Кирилла Александрийского).

«Ищите денно и ночью этот драгоценный бриллиант» (680).

Послушание

«Послушание паче поста и молитвы» — гласит Глинский патерик (460). Оно сопровождает человека в сей жизни, идёт с ним и в мир иной — «послушание не умирает. Тому человеку рай будет, кто послушание исполняет» (460). Это то духовное устройство, которое **скоро спасает человека**. Сия мысль нашла своё выражение в следующей эпитафии на надгробии послушника Глинской пустыни

Николая (†1896): «Под сим крестом погребён послушник Николай Донской, на смерть удостоенный ангельского образа с именем Никифора. Он скончался после Святого Причащения 17 июня 1896 года, на 23-м году жизни. В обители подвизался два года и в сей короткий срок усердным послушанием и благочестным житием успел уготовить душу свою к блаженному переходу в вечность» (432).

И здесь хочется ещё раз отойти от Глинского патерика и вспомнить взгляд на послушание уже упоминавшегося выше московского старца отца Василия. Принимая под своё попечение духовное чадо, он говорил: «Чтобы делать спасение своей души, необходимы: свободная добрая воля, вера в Бога и послушание духовному отцу. Слова наставлений духовного отца принимать сердцем и исполнять их на деле. Если он обличит, надо радоваться и благодарить за то, что обнаружил грехи, страсти. Чем больше обнаружено страстей, тем больше основания для смирения, покаяния. Отношение к духовнику должно быть таким, как у преподобного Досифея: во всех случаях, всегда и на всяко дело просить благословение Божие по молитвам духовного отца. Бороться с искушениями также сле-

дует под покровом святых молитв духовного отца» (Свеча Богу... Цит. изд С.27).

Послушание во имя любви Глинский патерик понимает как «заработок вечных благ» (455). **Правильным взглядом** на послушание считается такой взгляд, когда кто, исполняя заповеди любви к Богу и ближнему, считает, что не он делает «одолжение своим трудом», а ему делают одолжение, понуждая его трудиться (435).

Существо добродетели послушания, как и смирения, раскрывается в Патерике на **примерах** подвижников.

Монах Феодот (†1859), получив назначение проходить послушание на кухне, ревностно исполнял всё, что ему поручали, и сверх того: рубил дрова, носил воду, мыл посуду, очищал кухню и т. д. На свой труд он смотрел как на дело богоугодное и совершал его со страхом Божиим. И продолжалось сие около семидесяти лет (181–182).

У схимонаха Архиппа (†1896) послушание всегда было на первом месте. «Блажен отец Архипп, ибо без сожаления отдал себя на труд послушания», — восхваляет этого подвижника Патерик (436).

Монах Евгений (†1894) с таким усердием выполнял послушание, что даже у его сподвижников вызывала восхищение его неутомимость: он был и гостинником, и поваром, и заведовал кучерами, скотным двором, огородом, полем... «Столь многосложные обязанности почти не оставляли ему свободного времени» (414). Даже заболев чахоткой, он продолжал по своей свободной воле нести монастырские послушания «никому не жаловался на болезнь, переносил её терпеливо, лежать не любил» (416).

Инок Досифей (†1874) в течение 26 лет — до кончины — с усердием нёс послушание пономаря. «Ради чистоты и порядка в храме он не жалел своих сил и времени, которое при других обстоятельствах провёл бы в своей келлии» (319). За примерное усердие и награду получил великую — «за такое долголетнее служение в храмах, посвященных Царице Небесной, подвижник в алтаре удостоился видеть Пресвятую Деву Богородицу» (319).

С подобным усердием также пономарское послушание проходил ещё дольше — тридцать лет — схимонах Евфимий (†1866) (292).

Но что, прежде всего, обращает на себя внимание при всех послушаниях? — То, что

они не уводили послушников от главного — от молитвы. Об уже упоминавшемся монахе Евгении Патерик свидетельствует: «Заботы многотрудного послушания не отвлекали его от обязанности инока: он рано утром или поздно вечером исполнял своё монашеское келейное правило» (415).

Глинский патерик призывает хранить святое послушание — и в смысле свободного подчинения воле старца, и в смысле безропотного исполнения возложенных обязанностей, — «ибо и Христос, когда пришёл на землю, избрал не пустынное или столпническое житие, но образ и правило повиновения Отцу Небесному... Пребывая в повиновении, радуйтесь, что и вы жительствуете по подобию Господа нашего Иисуса Христа... Есть ли что блаженнее сего!» (684).

Выводом ко всему изложенному о смирении и послушании могут служить слова того же Патерика: «Учёность не спасет, а смирение и послушание» (444—445). «Более всего необходимо смиренномудрие с повиновением» (99).

НЕЗЛОБИЕ И НЕОСУЖДЕНИЕ

Как мы можем ждать от Господа прощения, которого не заслужили, когда сами ближних не прощаем?

Неверен наш суд о людях: они исправляются, а мы можем пасть... Надо молиться за тех, кто нас обидел; когда нас обижают — это щеточки, счищающие нашу гордость. Нельзя осуждать. Господь не велел одного оправдывать, а другого судить.

«Свеча Богу. Московский старец — протоиерей
Василий Серебренников»

Слова, приведенные в эпиграфе, были сказаны весьма почитаемым московским старцем протоиереем Василием Серебренниковым в последние годы его жизни (†1996). Этими словами начинается данное краткое сообщение, ибо в них, как в фокусе, отразилось то, что нашло своё раскрытие в Глинском патерике приснопамятного отца Иоанна (Маслова), с которым московский старец встречался в Глинской пустыни, беседовал, о чём и оставил свои записи.

Незлобие

Незлобие на оскорбителя, как и непамятозлобие определяется в Глинском патерике в свете святоотеческого богословия: «**Непамятозлобие есть признак истинного покаяния,**

... ибо Богу угоден тот, кто, делая добро, страдает несправедливо (1 Петр. 2, 19-20), и блажен тот терпеливец, который может в унижении хвалиться высотой своей (Иак. 1, 9)» (440). Мудрость в нашем отношении к тем, кто нас обижает, заключается не только в том, «чтобы знать истину в естественной последовательности, но и в том, чтобы от обижающих нас переносить зло, как своё собственное. Оставшиеся с одним первым знанием возносились гордостью, а достигшие второго стяжали смиренномудрие» (440).

Главное в незлобии — прощение и прощение чистосердечное, от всего сердца, с полным изгнанием из сердца обиды. Схимонах Марк (†1893) для того, чтобы убедить своего ученика в необходимости такого прощения обидчика и, более того, даже молиться за него, рассказывал следующее из своей духовной жизни. Приведу дословно: «Несколько лет тому назад я был сильно обижен одним братом. Видя в нём действие врага спасения, стал со слезами молиться Богу, чтобы мне без гнева перенести обиду и не впасть в злопамятование, а обидчика во имя любви простить. Долгое время на проскомидии за него

вынимал частицу из просфоры. Ночью 8 ноября в день своего Ангела светского моего имени и Ангела обидчика (Михаил. — К.С.) я особенно молился за оскорбителя и на ранней литургии также. Какое-то отрадное чувство разлилось по всему моему телу. По возвращении от обедни, в келлию приходит мой оскорбитель и, подавая тёплый пшеничный хлеб, говорит: «Видел, отче, как ты о мне молился и поминал на проскомидии. Прости меня». Поклонился, оставил хлеб и вышел. Я обрадовался, благодарил Бога. Не слыша удаляющихся шагов брата, отворил двери келии, осмотрел всё кругом, но его нигде не было видно. Это меня удивило, сердце переполнилось необъяснимой радостью. Попробовал хлеба: в нём был необыкновенно приятный вкус. После чаепития пошёл я к имениннику благодарить за посещение и за хлеб. Но он уверял, что не приходил ко мне и хлеба не приносил. Значит, посетил меня не земной гость, а, должно быть, Ангел Хранитель моего обидчика. Когда я всё рассказал, благодать Божия коснулась сердца брата, он пришел в умиление и просил прощения. Так, — заканчивается рассказ, — дивным промыслом

Божиим, у нас восстановились добрые братские отношения» (410).

Прощение настолько необходимо для спасения человека, что даже умершие — ушедшие в мир небесный — являлись на землю к своим обидчикам, чтобы дать им возможность перед самым обиженным покаяться в тяжёлом грехе. Так, в житии монаха Евгения (†1894) повествуется, как некий инок «немирствовал» с отцом Евгением до самой кончины старца. И отец Евгений, «благородный незлобием сердца», явился иноку во сне. Инок обрадовался и сказал: «Я скорблю, что с тобою не простился». Явившийся отвечал: «Вот потому я и пришёл к вам». С этими словами старец пал в ноги иноку, а тот ему. «С тех пор, — говорил инок, — скорбь моя прошла, и я обрёл душевный мир» (416). «Злоба никогда же ижденет злобу, — учит великий старец Архипп (†1896). — Аще кто тебе зло творит, твори ему добро» (460).

Незлобие раскрывается в Патерике на **примерах**.

О схимонахе Архиппе рассказывается: «Когда его некий «новоначальный брат» побил, отец Архипп поклонился ему в ноги и

попросил прощения. Когда в другой раз тот же обидчик вырвал у него клочок волос из бороды, старец опять поклонился ему и сказал: «Прости меня, верно, я тебе не понравился» (440). Однажды кто-то его так сильно ударил, что отец Архипп потерял даже сознание. Очнувшись, он молча взялся за работу, как будто ничего и не было. А ещё раз — он пригласил обидчика к себе в гости... (440).

Схимонах Марк (†1893) безропотно переносил все — даже незаслуженные — упрёки. Обычным ответом на все нападки у него было: «Прости Бога ради» (403).

Схимонах Иоанн (†1890), по жизни и виду строгий, всегда, как только просили у него прощения, тут же всё прощал и, более того, проявлял добрые знаки внимания: ласкал, угощал яблоками, сливами, бубликами... (401).

А об иеромонахе Гурии (†1875) говорится, что он «имел такое детское незлобие и доброту сердца, что, кажется, не было подобного ему между братьями. «Это был ангел», — говорил про него глинский старец Илиодор (†1895). — Что ему ни скажи, что ни сделай, он всё улыбается, всё у него «слава Богу». Благодушия его никто не мог нарушить. Ему, на-

пример, говорят: «Отец Гурий, отец настоятель благословил тебе надеть свитку и идти на экономию работать», и он безропотно, ничтоже сумняшеся, сейчас же шёл на экономию. При виде его и у злобного пройдёт злоба» (321).

Наконец, уже упоминавшийся старец Марк не только сам спокойно переносил все обиды, но и настоятельно внушал братьям беззлобно переносить всякие оскорбления и самим стараться никого не оскорблять (409–410).

Неосуждение

Осуждение, как и злоба, — тяжкий грех. Старец Пётр (†1898) учит: «Осуждать всякого человека, кто и каков бы он ни был, есть тяжкий грех». Сам Спаситель сказал: «Не судите, да не судимы будете» (504). «Братия, — говорил, уходя в мир небесный схимонах Артемий (†1885), — не осуждайте друг друга, осуждающих ждёт горькая доля» (369). Предостерегал и предостерегал постоянно от осуждения старец Серафим (Романцов, †1976), обращая внимание на тяжесть сего «страшного греха» (684).

Зная опасность осуждения, иеросхимонах Макарий (†1864) внушал быть осторожными в словах, никого не осуждать, «а то как ржа железо поедает, так и осуждение все добродетели истребляет. Прошу вас, вооружайтесь обоюдо-острым мечом — словом Божиим» (256).

Опасность осуждения увеличивается тем, что мы не знаем достаточно ни настоящего состояния души того человека, которого судим, ни того, что его ждёт. Старец Илиодор, предохраная от осуждения, говорил: «Если мы видим какой-либо порок у нашего ближнего, мы не должны осуждать его; первое, потому что нам неизвестно его душевное состояние, второе, потому что нам неизвестно его будущее. Немало было случаев, что некоторые, проводящие жизнь порочную, были возбуждены Божественною благодатью к покаянию, исправились в короткое время и окончили жизнь праведниками» (113).

От осуждения должно отличать суждение о брате с добрым намерением, с желанием помочь ему восстать, исправиться. Творить сие дело надо с большой любовью, пониманием состояния брата, с участием в его судьбе. Ведь и благочестивый человек может оступиться!

Вот как об этом говорится в Патерике: «Осуждать всякого человека, кто и каков бы он ни был, есть тяжкий грех. Сам Спаситель сказал: «Не судите, да не судимы будете». Обличать же, кто сие делает с добрым намерением, от любви к Богу и человеку, для славы Божией и в пользу души ближнего, без поношения его имени и чести, но для исправления, — нет греха. В Священном Писании есть два слова: «Обличай» и «не обличай». Первое повелевает, второе запрещает: «Не обличай человека злого, да не возненавидит тебя» (Притч. 9, 8); ему неприятно слышать обличение, потому что обличение нечестивому рана ему есть. Слово Божие говорит: обличай. Кого? Обличай премудра, да премудрейший будет. Какая же от сего польза? Такая, что он сам исправится и истинно возлюбит тя. Случается и доброму человеку впасть в какой-либо порок. По своему самолюбию он или не замечает или думает: «Это небольшой грех, другие о нём не знают». Найдётся благоразумный и, сожалея, обличит порочного, укажет ему на стыд и срам пред людьми и грех пред Богом; что, творя грех, он многих соблазняет и доводит до того греха осужде-

ния, и потому виновен не только за свои грехи, но и за грехи ближних своих. Выслушавши обличение, добрый человек со смирением благодарит обличителя, возлюбит его, попросит прощения и будет исправляться, от того времени он уже бережётся» (504).

Заканчивается это размышление в Патерике весьма важным, чем можно завершить и данное сообщение: «Обратимся к себе: слушаем ли мы с терпением обличения? Исправляемся ли?... Отныне положим начало покаянию» (504—505).

Вывод ко всему сообщённому сейчас один: после любви к Богу самое главное в нашей земной жизни — любовь к человеку, не к человечеству вообще, а к конкретному человеку, с которым мы вместе живём, работаем, соседствуем, встречаемся на распутьях нашего житейского широкого и бурного моря...

ТЕРПЕНИЕ И ПЕРЕНЕСЕНИЕ СКОРБЕЙ

При искушениях подвижнику приходится немало скорбеть, чтобы терпеливо снести испытание Божие и не впасть в искушение диавольское. Неложно говорит слово Божие: Многими скорбями подобает нам войти в Царствие Божие (Деян. 14,22).

Глинский патерик

Терпение

Глинский патерик высоко ставит терпение. По его утверждению, терпение помогает бороться со страстями и побеждать их — освободиться от них (165); терпение привлекает к подвижнику «благоволение Божие» и содействует ему в нравственном совершенствовании (185). Оно даёт силу сохранить внутреннее спокойствие при любых обстоятельствах жизни, даже при самых тяжёлых (616). Схи-монах Артемий (†1885) учил: «На пути спасения нет лучшего венца, как благодушно терпеть всякое поношение. Апостол Пётр говорит: «Если злословят вас за имя Христово, то вы блаженны, ибо Дух славы, Дух Божий поживает на вас. Только бы не пострадал кто из вас как убийца или вор, или злодей, или как

посягающий на чужое, а если как христианин, то не стыдись, но прославляй Бога за такую участь» (1 Петр. 4, 14–16)» (368).

Продолжая ту же мысль, схиархимандрит Серафим (Романцов, †1976) убеждал в необходимости для спасения терпения. «Невозможно, — говорит он, — без креста спастись». Именно терпение спасает нас (684). Поэтому в Патерике считается правильным, если духовный руководитель, утверждая волю пасомого, нарочито подвергает его различным неприятностям. «Пастырь душ, — читаем в нём, — делает вред себе и подвижнику, если не подаёт ему случаев к приобретению венцов, какие он, по его примечанию, может на всякий час заслужить перенесением досад, бесчестий, унижений и поруганий. От этого (неподавая случаев к венцам) происходит троякий и весьма важный вред: во-первых, сам настоятель лишается награды, которую получил бы за благонамеренные выговоры и наказания, во-вторых, добродетелью одного мог бы доставить пользу другим, но этого не сделал; третий же и самый тяжкий вред состоит в том, что часто и кажущиеся мужественными, терпеливыми и утвердившимися в доб-

родетели, не получая от настоятеля ни обличений, ни поношений, лишаются снискания кротости и терпения» (368).

Исходя из величия и необходимости терпения, глиньские подвижники сами утверждались в терпении и воспитывали в нём других. Старец Архипп (†1896) на вопрос одного брата: «Как спастись?» отвечал: «Всё терпи: будут тебя ругать — молчи, будут бить — молчи, молись за обидчиков, смирай себя постоянно и спасёшься» (459). Подобно и старец Макарий (XIX в.), прошедший сам через многотрудный иноческий искуc, воспитывая в брате Никите (будущем известном старце Илиодоре, †1835) терпение, напоминал слова Священного Писания: *Многими скорбями подобает нам войти в Царствие Божие* (Деян. 14, 22) и этим напоминомением «старался устранить вредное в спасении самосожаление. В твёрдой уверенности, что всё совершающееся происходит по всеблагой воле Господа нашего Иисуса Христа, сказавшего: *Без Мене не можете творити ничесоже* (Ин. 15, 5), ревностный послушник Никита благодушно переносил всё» (419).

Патерик представляет яркие **примеры** терпения. Так, схимонах Артемий (†1885) терпеливо

и ревностно проходил любое послушание. За это усердие он «потерпел немало неприятностей и клеветы, и как истинный подвижник, никогда не оправдывался в обвинениях»(368).

Монах Иоанн, прозванный за свой подвиг «Терпеливым» (†1891), за десять лет до конца своего земного пути заболел и медленно догорал, но никогда не только не жаловался, но терпеливо исполнял порученное ему поварское дело и даже дела своих помощников. «По истине, — заключает Патерик, — это был великий терпеливец. Приготовить обед на большое число гостей-богомольцев, всем угодить, всех удовлетворить, не оскорбляя и не оскорбляясь, — действительно, надо иметь немало терпения, особенно когда помощники часто сменялись и не знали, что и как делать» (406).

Терпеливо переносил все обиды монах Феодот (†1859). Из его уст никогда не выходило даже укора. Он с полным уважением относился к своим оскорбителям, стараясь помочь им, насколько это было в его силах. «Свою добродетель невозмутимого терпения он прикрывал от взоров человеческих подвигом юродства и при всех оскорблениях и побоях всегда казался весёлым и вседозвольным.

Никто не видел его когда-либо скорбящим, гневающимся или когда-либо пререкающимся; он ко всем обращался с радостным лицом и доверием незлобивого младенца (185). Так терпеливый Феодот шёл в своей иноческой жизни «крестным путём, претерпевая ради Господа и блаженного общения с Ним поношения, поругания, побои, насмешки и укоризны. Неоспоримо, он мог приложить к себе слова апостола Павла: *Аз язвы Господа моего Иисуса на теле моем ношу* (Гал. 6, 17)» (185).

А об иеросхимонахе Иларионе (†1957) сказано: «Он не скорбел в болезнях, но считал их необходимым средством воспитания души... Если болезнь особенно усиливалась, отец Иларион понуждал себя вспоминать праведников, много претерпевших; понуждал себя думать, что он терпит мало, ничтожно по сравнению с другими и по сравнению со своими грехами. Так он удерживал душу от расслабления, от падения в ропот и отчаяние и направлял её на истинный путь добродетелей» (617). Но о перенесении скорбей в Патерике речь идёт особо.

Перенесение скорбей

К великому благочестию подвижнику Глинской пустыни иеросхимонаху Макарию (†1864) многие, будучи не в состоянии посетить его лично, обращались письменно с просьбой и совета, и утешения. И вот как он отвечает на одно из таких писем о смысле скорбей в деле нашего спасения: «Господь наш Иисус Христос и Пречистая Его Мать Приснодевственная Мария да утешат вас печальных и скорбных, и укрепят изнемогающих! Вы уже уверены святым царём Давидом, что «сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит». Истинно не уничижит Господь претерпевающих скорби. Он сладко защищает к Нему воздыхающих и сладко питает сирых. Господь знает все наши болезни и оскорблённое наше сердце; Он смотрит отеческим оком на терпение, благоугодное пред Ним, и, когда Ему угодно, предающуюся в волю Его душу освободит от всех болезней и скорбей! И тогда страждущее сердце возрадуется о милости Божией радостью неизреченной» (256).

Скорби выявляют внутреннее устройство христианина, меру его духовного состояния,

его нравственное достоинство. Доброе дело, совершенное в дни благополучия и безмятежия, хотя и заслуживает внимания, но это еще не совершенная добродетель. Истинная добродетель состоит в твёрдой, постоянной, чистой волевой решимости, направленной к Закону Божию. «Но такой чистоты, такого достоинства и постоянства добродетели невозможно достигнуть без борьбы с искушениями, то есть добрые дела и добрая расположенность только тогда могут стать неотъемлемой стороной души христианина, когда они пройдут через горнило испытаний. Добрые дела только тогда богоугодны и становятся неотъемлемой принадлежностью души, когда они совершаются в трудные минуты испытаний» (616).

Страдания при правильном к ним отношении «привлекают к душе милость Божию» (95). В скорбях не подобает унывать, смущаться, а подобает в терпении за всё благодарить Бога. «Нам должно учиться терпению скорбей и пребывать в них, помня скорбную земную жизнь Господа нашего Иисуса Христа, сказавшего, «идеже Аз есмь, ту и слуга Мой будет» (Ин. 12, 26). «Такая жизнь (жизнь в

скорбях, в терпении), — пишет св. Петр Дамаскин, — есть путь к будущему веку, ибо и не желая мы не избежим того, что должно совершиться, а если будем напрасно смущаться, то потеряем награду за терпение и окажемся противниками определения Божия, так как всё, что делает Бог, «добро зело» (Быт. 1, 31), хотя мы не разумеем этого» (96-97).

Иногда Господь посылает скорби для вразумления грешника (465). «Когда человек поумрачится умом и начинает проводить свою жизнь в лености и беспечности, тогда попущением Божиим, но промыслительно, он подвергается скорбям, как внутренним, так и внешним, которые напоминают ему об исправлении и необходимости заботиться о своём спасении» (716). Если человек правильно их примет: терпеливо, спокойно, то «они в кратчайшее время теряют свою остроту и перестают беспокоить душу» (617). При ином отношении к скорбям они умножаются. «Ропот не только отодвигает время успокоения, но и вызывает ещё большее возмущение в душе, и через то испытания ещё более увеличиваются» (617). В результате «происходят сетование, печаль, уныние» (465).

Скорби посылаются Богом и тем, кто усердно несёт подвиг благочестия. И им они также посылаются для духовной пользы. «Его же любит Господь — наказует», «и избранных Своих ведёт к Царствию вечного блаженства крестным путём» (263). Но чтобы этот крестный путь «увенчался большими духовными успехами», необходимо иметь несомненную надежду на помощь Божию, необходимо славословить Бога и за все благодарить, а сами скорби воспринимать как залог вечного спасения (716). Истинному подвижнику должно в скорби чувствовать любящего Бога, Который наказует любимых и «бьет всякого сына, его же приемлет» (Евр.12,6)» (465-466). Надеющийся в скорби на Бога и покоряющий себя Его воле получит «не только облегчение в телесных и душевных скорбях, но и утешение, исключаящее возможность всякого уныния (654). «Души, преданные скорбям для испытания, если будут мужественно терпеть с покорностью Отцу Небесному, — без Него же ничтоже с нами бысть, еже бысть, — то в день Суда приобретут одинаковое с мучениками дерзновение перед Богом» (519).

Как должно относиться к скорбям глинские старцы сами показали **пример** своим подвигом.

Схимонах Кирилл (†1981) много страдал от болезней, но терпел их безропотно. «Это был подвижник, во всём служащий примером для братии» (645).

Иеросхимонах Макарий (†1864) двадцать лет страдал «лишайной сыпью», которая производила сильный зуд. Кроме того, у него сильно опухали ноги. И что же? — Он «страдания сии ещё усиливал добровольными подвигами благочестия. Так велика была любовь старца к Подвигоположнику Господу Иисусу Христу, так вожделевал подвижник Царства Небесного» (263).

Схиигумен Николай (†после 1961) в 1952 г. был арестован и сослан в Архангельск. И в эти тяжелейшие годы он отличился «особой крепостью духа, которая проявлялась в миролюбии, терпеливом и радостном принятии страданий и испытаний» (648).

Перенося мужественно, терпеливо скорби, глинские подвижники учили принимать близко к своему сердцу беды ближних.

Так, схимонах Архипп (†1896), испытывая многие трудности в своём жизненном подви-

ге, не только всегда благодушествовал, но везде и в разное время «являлся утешать скорбящих и малодушных». Один скитянин говорил про него: «Чудной он у нас, сам едва ходит, а когда надобно утешить другого, прибежит веселый, запоет о смерти, ободрит словом; видя его, невольно сам ободришься». «Веселое сердце благотворно как врачевство, а унылый дух сушит кости» (Притч. 17,22) (466).

Тёплое участие в судьбах братии принимал иеросхимонах Паисий (†после 1961): утешал, ободрял, вселял надежду в унывающих (654).

Схиархимандрит Диодор (†1879), пройдя сам через горнило горьких испытаний, был до самой кончины «сострадательным и соболезнующим ко всем гонимым и оскорбляемым, в таких принимал он сердечное участие» (334).

Размышляя над смыслом скорбей и перенося их с несомненной надеждой на милость Божию, глиньские старцы призывают всех за всё благодарить Бога, ибо «от благодарения во время постигшей скорби воспитываются не только смирение, необходимое для спасения, но рождается и живая вера и подаётся благодатное утешение» (716. См. и: 413).

НЕСТЯЖАТЕЛЬНОСТЬ

*Добровольная бедность — богатство монаха;
с ней он всегда и всем доволен
при скромных потребностях в жизни
и потому не имеет столкновений с братьями из-за
чего-то временного, вещественного. Он знает,
что в случае нужды всё необходимое пошлёт ему
Господь во время благопотребное,
не как дар за добродетели, а как милость...*

*Тленное богатство, внешнее благосостояние их
(старцев Мартирия и Евфимия. — К. С.)
ума не занимают, об одном у них попечение:
чтобы приблизиться к Богу, пребывать в храме Божиим
и непрестанно наслаждаться
Богодухновенным псалмопением и изречениям
и словес Духа Божия. Вот в чём заключается богат-
ство любящих Бога всем сердцем.*

Глинский патерик

В кратких словах двух эпитафий, взятых мной из разных мест Глинского патерика, выражена вся суть нестяжательности — этой высочайшей духовной силы, способной сокрушить все земные греховные пороки и привести в мир вечности, в мир вечных нетленных сокровищ.

Определив сущность нестяжательности, Глинский патерик не вдаётся в раскрытие ка-

ких-либо частных её, показывающих свойства побочного характера. Но он обращает внимание на другое — я сказал бы — самое главное: приводит **примеры** нестяжательности. Почему это самое главное? — Потому, что, как нам всем хорошо известно, в духовной жизни имеет значение не столько слово, сколько пример его осуществления, не многословное наставление, а наглядная жизнь. Человек может ничего не говорить, а своим молчаливым подвигом преобразить окружающий его мир. И, наоборот, если пред нами выступает прекрасный оратор, но мы знаем его порочную жизнь — слова его, хотя и будут облечены во всю красоту земного искусства, останутся пустым звуком. Если они и окажут какое-либо действие, то оно будет порочным, да и коснётся такого же сорта слушателей.

Вот по этому пути — пути «образов» — и идёт Глинский патерик, представляя читателю нестяжательность. (Хотя в скобках, но надо отметить, что это обычный путь и для Глинского патерика и для подобных творений. Но в раскрытии данного духовного состояния проявляется особая яркость).

Великим примером нестяжательности служит схимонах Архипп (†1896). Старец Архипп всегда и всем был доволен: воздаяния за советы не ждал. Если и принимал отдельные приношения, то только потому, что не хотел обижать подающих. Но, принимая жертвуемое, — отдавал братии. Деньги он называл железом и не прилагал к ним сердца, а употреблял их «на чай для угощения братии, приходивших к нему за духовным советом, на траву, раздаваемую народу, и на нужды обители» (445). Никакие земные блага его не занимали, но от жизни обители он не отделялся: радовался её радостью вместе с ней и печалился её печалью. Потому тем людям, которые могли и хотели помочь обители, он говорил: «Что дашь, то твоё, что не дашь — не твоё». Это кажущееся противоречие разъясняется так: «Данное на доброе дело, ради Бога, — наше, как совершившееся, могущее по смерти идти вслед за нами (Ап. 14,15) и предстать ходатаем за нас у Судии Бога, а оставленное у себя — неизвестно, пойдёт ли нам на душевную пользу: может быть, потратится на различные предметы роскоши и удовольствия, принося душевный

вред. Хотя на случай смерти пишут завещания, но не в воле завещателя исполнить их. Притом, данное по необходимости, когда в нём нет нужды, не имеет уже той цены. Итак, только данное нами на доброе дело при жизни может считаться вполне нашим» (464-465). Верный обету нестяжания, отец Архипп своим служением — делом — учил «не прилепляться к земному, не надеяться на богатство, знатность или славу; помнить смерть, ад, Царство Небесное, уготованное праведным, и муки вечные, уготованные грешникам» (457).

О монахе Александре (†1869), прозванном за его нищету нестяжателем, сказано: «У себя ничего не имел, даже чайника». Когда ему однажды знакомый купец попытался было дать деньги, нестяжатель решительно отказался, заявив, что он всё необходимое имеет от монастыря (315).

Монах Евгений (†1894) отложил всякое попечение о земном имуществе. И когда перед его кончиной попросили распорядиться своими вещами, он мог спокойно ответить: «У меня ничего нет» (416).

Схиархимандрит Илиодор (†1879), еще до принятия великой схимы, удаляясь от мирс-

кой суеты, ничего не принимал от мира (327). В своём завещании он так подвёл черту своему служению: «Дабы не было сомнения о моём состоянии, истинно объявляю, что ни капитала, ни вещей каких-либо, ни особой одежды, кроме обыкновенной, которую я изготовил на случай смерти, и в которой ходил, никакой другой у меня нет» (344).

А монах Кирилл (†1891), взявший на себя подвиг юродства, всё земное считал сором. «Деньги, приходившие ему от брата, бросал куда попало, и они валялись где-либо на полу или на окне, пока кто-либо из больничных не прибирал их для его же необходимости или не отдавал на общую потребность монастыря» (404).

Нестяжательный иеромонах Порфирий (†1868) принимал жертвуемое «только на чай и сахар» для угощения проходящих к нему. «Всё присылаемое отдавал бедным» хотя «сам терпел великую нужду» (303).

Благоговейнейший инок Досифей (†1874) носил ветхую одежду и до тех пор, пока она не рассыпалась. Смущавшимся этим он говорил: «Голый родился, голый и умру». В Патерике к сему добавлено: «Так и случилось, он умер богатым полным нестяжанием» (319).

Патерик заглядывает и **в кельи** нестяжателей и видит здесь много поучительного. «Заглянем в келью старца (иеромонаха Макария, †1864. — К.С.), — приглашает читателя Патерик. — Она состояла из одной комнаты. Стёкла в ней были заклеены бумагой, чтобы не развлекаться взором... В келлии была одна икона Страстной Божией Матери, Распятие, несколько книг, стол, стул, простая деревянная скамейка, на ней лежал старый зипун, а на столе одно яблоко. Никаких украшений келлии старец не терпел» (247). А ведь он мог стать богатейшим человеком. Приходившие к нему за добрым советом состоятельные люди готовы были сделать ему многое, но старец всё отклонял. Если же что принимал, то тут же передавал на нужды обители или раздавал паломникам. О его полной нестяжательности свидетельствует и то, что после его кончины нашли единственную двадцатикопеечную монету, да и та была положена в книгу как закладка и забыта (247).

Об обстановке в келье схимонаха Луки (†1898) сказано, что она была «довольно убогая. Из одежды ничего лишнего» (508).

Смиренный схимонах Архипп «и келлию имел смиренную». Забота старца была не о внешней красоте, а о внутренней — о состоянии души (444).

В Патерике подчеркивается чуждость нестяжателей «вещизму». Поэтому-то нередко встречаются такие свидетельства: в келье не было «никакой мебели» (277), никакой лишней одежды или вещей (270), «ничего лишнего» (421, 537...). Всё имущество монаха Дмитрия (†1891) состояло из одной святой иконы, стола, стула, табуретки и кровати. Из одежды: одна ряска, один подрясник и одна пара белья (402). Подобное «богатство» было и у схимонаха Марка (†1899) (408), да и у многих других (см., напр., 279). Как правило, всё украшение кельи состояло в следующем: «В святом углу стояла святая икона, ниже к стенке была прикреплена досточка — простой неотёсанный отрезок шелёвки, на ней лежали книги: Евангелие, Апостольские послания, Псалтирь, сочинения святителя Дмитрия Ростовского и другие» (277). Даже святые иконы ставились «без всяких украшений» (421). Всё отношение глиняных подвижников

к земному, мирскому выразилось в образе старца Мартирия (†1865). Переселившись в новую келью он радовался не тому, что получил новую келью, а тому, что она была ближе к монастырскому собору. «О! — восклицал он. — Я теперь богат, слава Господу! Даже в келлии слышу святое богослужение» (279).

Вывод к изложенному ясен: истинный подвижник живёт в скудости — богат нестяжанием (460, 319).

СЛУЖЕНИЕ БЛИЖНЕМУ

*Надо искать смирения, быть покорным воле Божией,
иметь любовь к ближнему — на этих трёх китах
созидать себя.*

Старец Василий Серебренников*

Служение ближнему — широкая заповедь, и потому исполнение её многообразно. Это любовь, а любовь не имеет границ. Её нельзя зажать какими-либо пределами — она безгранична, она велика. А всё великое имеет и подобную ценность. По слову Христа Спасителя в последний день — на Страшном Суде — спросят, прежде всего, накормили ли мы голодного, напоили ли жаждущего, дали ли одежду имеющему в ней нужду, посетили ли больного, страждущего, находящегося в темнице, приняли ли под свой кров отверженного миром.... Если мы сможем ответить: да! мы это исполнили, то услышим самое радостное: *Придите благословеннии Отца Моего, наследуйте уготованное вам Царствие от сложения мира* (Мф. 25, 34).

* Цит. по кн.: «Свеча Богу. Московский старец протоиерей Василий Серебренников» (1907-1996). М, 1999. С. 129.

Эти дела служения ближнему святитель Московский Филарет (†1867) называет делами милости телесной. К ним он присоединяет ещё и духовные дела милости: обратить грешника от его губельного пути, научить истине не знающего добра, предостеречь ближнего от незамечаемой им опасности, молиться за него, утешить его, быть к нему великодушным — от всей души прощать обиды.

На эти стороны служения ближнему и обращает внимание Глинский патерик: их он глубоко впитал, ими он стоит, на них утверждается и их несёт окружающему миру.

Любовь глинских подвижников была настолько широка, что они готовы были **обнять всех ближних**, «весь мир и всех привести к Богу» (247). Истинная любовь ищет не избранных, а даёт всем, что может (515). В Патерике приводится такой рассказ. Однажды старцу Луке (†1898) благодетели прислали перед Великим постом грибы и маслины. Один из иноков, зная об этом, подумал: «Вот, отцу Луке прислали грибов и маслин. Он говорил, что всем надо давать, а сам не делает. Пойду к отцу Петру, если отец прозорливый, то узнает мой помысл и поступит так, чтобы

мне не осуждать его». И пошёл. Чтобы попасть в келью отца Петра нужно было по коридору пройти мимо дверей кельи старца. И не успел инок подойти к ним, как старец вышел в коридор, подозвал к себе инок, велел ему идти к ключнику, у которого и взять себе нужное, при этом сказал: «Грибы и маслины я отдал ключнику для раздачи скитянам» (515).

Старцы своим примером учили, что во имя служения ближнему надо быть готовым на любой подвиг. Об иеромонахе Макарии (†1864) сказано, что он, по слову св. ап. Павла, никогда не искал своего — для себя (1 Кор. 13, 5), а заботился о ближнем. «Иногда он сам старался исполнить послушание отсутствующих: так, например, неоднократно по ночам он месил хлеб и исправлял другие тяжёлые работы. Вот тут-то, более чем где-либо, приходилось подвижнику применить наставление апостола: *Должны есмы мы, сильнии, немощи немощных носити и не себе угождати. Кийждо же вас ближнему да угождает во благое к назиданию* (Рим. 15, 1–2). *Друг друга тяготы носите, и тако исполните закон Христов* (Гал. 6, 2)» (248). «Про отца Макария, — добавляет

Патерик, — не обвиняясь можно сказать то же, что было сказано про тезоименитого ему подвижника авву Макария Египетского: «Он всех покрывал любовью»» (248).

Самая высокая любовь к ближнему — это забота о нём, равная заботе о себе (Мф. 22, 39). Именно к такой любви старцы и призывали. Схимонах Архипп (†1896), свято исполняя заповедь Христа Спасителя, «того же желал ближнему, чего и себе; чего не желал себе, того не желал другим. Боялся он мук вечных, о них говорил, чтобы и другие боялись и не попали в них. Памятовал он о смерти, которая внушала страх Божий и предохраняла от греха; той же спасительной памяти смертной он желал каждому» (459).

Служение ближнему — это желание быть ему полезным, умение им быть и, самое главное, действительно им быть. «Требованиями послушания поставленный в необходимость соприкосновения с людьми светскими, — читаем о старце Макарии (†1864), — он и с ними находил о чём беседовать и умел всем быть полезным. Начиная с обыкновенных вещей, отец Макарий незаметно умел направить разговор на тему о спасении души, и

тогда-то оживлённо и как бы вдохновенно начинал он, как из чистого источника, напоить слушателей словом спасения. Увлечённые обаятельной силой его слова, собеседники внимательно слушали подвижника, и многие через него познали науку истинно христианской жизни» (249).

Сами испытав немало скорбей, искушений и зная на своём опыте, как трудно выйти из них победителем, старцы были исполнены **глубочайшим пониманием** всех к ним приходящих: терпеливо выслушивали раздирающие душу скорби, несчастья, несправедливости, обиды — всех хотели утешить, всем «дать добрый совет, помочь и проч.» (227, 303).

Вот молодая барыня приходит к старцу и от горя не может даже говорить: вышла замуж с самыми добрыми надеждами, но всё рухнуло — муж проводит время за картами, дома нет мира. Молодые годы проходят в тревоге, на грани отчаяния. Старец спокойным голосом ласково советует рыдающей «всё переносить терпеливо, молиться Матери Божией с упованием, что всё изменится к лучшему». Хорошо зная, что праздное время есть первый пособник скуки и уныния, батюшка,

умудрённый опытом иноческой жизни, велит употребить свободные часы на чтение духовно-нравственных книг, на прогулки с целью помочь бедным и т. д. Получив в благословение икону и книгу, барыня уходит «вполне успокоенная» (227–228)...

Вслед за молодой барыней является старушка. У неё своё горе: «Три было сына, одного в солдаты отдали, другой умер, а младший обижать стал: пьёт, ругается... Больно мне, бабушка...» — «Потерпи, матушка, — учит старец, — всё пройдёт. Жени сына, невестку к себе возьми и заживёшь припеваючи. Молись Богу, Господь всё ко благу нашему делает. Сперва накажет нас, а потом и помилует». Старушка уходит утешенная...(228).

Входит крестьянин — у него не меньшая беда: жена при смерти, остаются малые дети. Старец советует отслужить молебен Божией Матери и целителю Пантелеимону, взять масла от чудотворной иконы. «Помажь больные места, — говорит старец — и Царица Небесная воздвигнет с одра болезни жену твою. Не отчаивайся, надейся, будет здорова». И мужичок выходит из кельи с доброй надеждой (228)...

Дверь кельи открывается непрерывно — в неё один за другим несут с верой и упованием всё, что наболело на сердце. — И старец всё принимает в свою душу — вместе и скорбит, и плачет, и утешает. «Родной мой, скажет он, — и начнёт утешать своей мудрой речью». Уходят от него только с радостью (303).

Старец настолько близко принимал всё складываемое в его келье, что подчас его добрая душа нуждалась хотя бы в небольшом перерыве. «Много надо было силы всё перенести, всё выслушать, не теряя присутствия духа! После таких приёмов отец Иннокентий (†1888. — К.С.) делал перерывы, — ему необходимо было самому успокоиться, чтобы быть готовым опять выслушивать всякое человеческое горе. Во время перерыва батюшка оставался один, молился о всех этих несчастных; он их любил, жалел, готов был им все отдать!... В эти минуты сам утешающий искал утешения свыше — от Святого Духа — Утешителя плачущих, скорбящих, болящих» (228).

В Патерике утверждается, что во имя любви к ближнему должно понести «всяк зол глагол», как и во имя любви к Богу. — Когда в сороковых годах девятнадцатого столетия

появилась в России тенденция спойть народ водкой, иеромонах Порфирий (†1868) смело и даже резко выступил против откупной системы как губительного для многих зла. За это выступление, якобы не входящее в его обязанности, отец Порфирий был по приказанию императора Николая I сослан на Валаам, где много перенёс испытаний, но не отказался от забот о ближнем. Как только явилась возможность, он повторил свою просьбу перед новым монархом — Александром II — и с 1 января 1883 г. откупная продажа спиртных напитков была отменена (301—302)... Нередко подвергался неприятностям и иеросхимонах Макарий (†1864) за то, что своей любовью покрывал «немощи немощных братьев» (249).

Покрывая любовью недостатки других, старец с той же любовью наставлял духовных чад — его учение исходило «из сердца» (248), было исполнено добрым чувством, лаской (413). Если кто в чём-либо провинялся, старец, «обыкновенно, без всякого гнева, а со скорбью и сожалением говорил: «Ишь ты какой! Разве можно так делать?» (413). При этом, естественно, не было никакого лице-

приятя или пристрастя. Ко всем людам — «любых убеждений» — старец был открыт. Во всяком человеке он видел, прежде всего, «его бессмертную душу и старался привести её к Богу» (649). Схимонах Архипп, увидев одного пожилого человека в сюртуке и накрахмаленной рубашке, невзирая на то, что последний был благодетелем обители, без всякого лицеприятя велел ему: «Сюртук замени длинной свиткой и подпояшься поясом, рубашку носи простую. К чему тебе наряжаться: ты старик, тебе надо к смерти готовиться» (460)... Пришедшим двум господам, служившим на видных местах, он же беспристрастно сказал: «Вы пришли ко мне получить наставление — слушайте: занимаете вы хорошие места, для других должны служить примером, чтобы вами не соблазнялись, а вы как живёте? Вот ты уже старик, а что делаешь? Не думайте, что всё так пройдёт; Господь взыщет за всё. Будьте справедливы, не обижайте никого, избегайте всяких греховных пожеланий» (461). А некоему, нежившему своё тело, подвижник заметил: «Ты гладкий, а вот сегодня-завтра смерть, и тогда всё пропадёт» (461). Даже приехавшего из другой обители

священноинока старец строго вопрошал: «Ты отчего живёшь без руководителя? Отчего редко в церковь ходишь? Почему так и сяк живёшь?» (461). И Патерик продолжает: «Всю жизнь посетителя видел старец. Почему не имел руководителя и почему не ходил в церковь, священноинок дал ответ, но относительно своей жизни должен был сознать себя виновным и, видя в старце человека Божия, просил прощения. Отец Архипп дал ему спасительное наставление» (461).

Поистине, Глинская пустынь стала подлинной **«духовной лечебницей** для душ, истерзанных грехом, потерявших, или не нашедших смысл жизни, скорбящих и страждущих, ищущих вразумления, утешения, духовной поддержки, а также разрешения своих сомнений и недоумений» (585). Болящий, скорбящий, нуждающийся — каждый получал здесь требуемое. И не только здесь, а и в любом другом месте, где по тем или иным причинам оказывался Глинский старец. Об архимандрите Иннокентии, настоятеле пустыни (1862-1888), читаем: «С приездом отца Иннокентия в какой-либо ближайший уездный город, к дому, где он останавливался, съезжались эки-

пажи, собирались многочисленные толпы народа (229).

Глинская обитель служила ближнему, оказывая ему не только духовную помощь, но и **помощь материальную.**

Христианское милосердие — это и заповедь Божия, неоднократно возвещённая человеку, и особое, заложенное Богом в нашу природу, чувство доброты к ближним, благожелательности к ним, сострадания, долготерпения, а к обидчикам — прощения. Игумен Авксентий (†1857), раскрывая святоотеческое учение об этой весьма важной добродетели, говорил: «...если даже язычники, движимые естественным законом, проявляют милосердие к нуждающимся, то христианина тем более должно подвигнуть к этому не только родство естественное, так как все имеем одного праотца Адама, но и родство духовное, и более всего имя Христово. Если кто хочет, чтобы его любили, не обижали и помогали в земной жизни, то всё это он прежде пусть исполнит сам. Тогда ему непременно воздастся не только на земле во сто крат, но и на небе. В такой настроенности — вся христианская наука, и изучать эту науку христианин должен от младенчества и до конца жизни» (165).

Без милосердия, без помощи ближнему «невозможно наследовать Царствие Небесное» (165). Еще в Ветхом Завете Ангел Божий возвестил: «Милостыня от смерти избавляет и может очищать всякий грех» (Тов. 12, 3). В Новом Завете Сам Господь призывает к милосердию: «Будьте милосердны, как и Отец ваш милосерд» (Лк. 6, 36) (165). И св. ап. Иаков: «Суд без милости не оказавшему милости» (Иак. 2, 15). Следуя этим указаниям Божественного Откровения, иеросхимонах Макарий (†1864) писал одному должностному лицу: «Не тяготитесь делать добро бедным вдовам и сиротам, пока время для вас удобное и возможное. Не думайте, что это вам не принесёт никакой пользы. Нет, это будет самое прочное богатство для вашего спасения; оно, может быть, оправдает вас перед Богом во время великой нужды» (257). А старец Архипп, советы которого были краткие, но разнообразные, говорил: «Лучше дать, чем взять» и при этом читал свою выписку по-славянски: «Егда Фома апостол взя злато у некоего царя для построения палат в Индии и разда нищим, и паки взя и паки разда, тогда царь посла уведати и не обрете построе-

ния, всади его в темницу. И бе видение цареву брату, яко таковые палаты Фома устроил царю в Царствии Небесном. Возрадовался зело царь и отпусти Фому с великой честью» (457).

Благотворительность **многогранна**. Такой она была и в Глинской пустыни.

В мирное время св. обитель содержала странноприимницы, в которых подолгу находили кров, пищу и медицинское обслуживание бедные, нищие окрестных сёл, деревень, городов, да и из дальних мест пришедшие в обитель богомольцы (166. Ср.:30). Устроен был также «Дом трудолюбия», в котором дети-сироты обучались разным ремеслам, грамоте, готовились к вступлению в самостоятельную жизнь в миру, если не пожелают остаться в обители. Сначала Дом был рассчитан на десятка полтора-два сирот, но уже в начале XX в. число их достигло двух сотен.

Об игумене Авксентии (†1857) Патерик повествует, что он организовал такую щедрую благотворительную деятельность обители, что правящий епископ Илиодор в своём епархиальном отчёте за 1856 г. писал: «Христианский долг призрения бедных среди всех оби-

телей Курской епархии особенно исполняется в Глинской пустыни» (166).

Хорошо была поставлена издательская деятельность: выпускались и широко распространялись «Глинские листки», «Глинские Богородицкие книжки», представлявшие собой выписки из творений святых отцов и подвижников благочестия; различные назидательные книги: о святых Таинствах Церкви, о самой обители, её уставе, особенностях... Вот как, например, отзывались современники об издательской работе игумена Исаии (впоследствии схиархим. Иоанникий, †1912): «Он заботится о всех православных христианах, ради которых и занялся издательской деятельностью. В широко известном издании «Россия. Полное географическое описание нашего Отечества» о Глинской пустыни сказано: «Монастырь занимается книгоиздательством для народа»» (374).

Должное внимание уделялось церковной проповеди и миссионерскому делу. «В 1908 г. в целях борьбы с сектантскими лжеучениями (в частности, со штундо-баптизмом), появившимися в епархии, в Глинской пустыни был открыт миссионерский кружок во имя святого

апостола Иоанна Богослова. В обязанности членов кружка входило ежедневное чтение поучений в храмах, а также среди народа в гостиницах, столовых на монастырских дворах» (375).

С ростом благосостояния Глинской пустыни, с увеличением монастырской казны ширится и служение ближнему. В годы настоятельства только что упоминавшегося отца Исаии святая обитель ежегодно принимала десятки тысяч паломников и во время пребывания их в обители обеспечивала всем необходимым. Более того, в случае нужды оказывала им и денежную помощь (372).

Благотворительность в Глинской пустыни была **присуща каждому иноку**. Монахи с радушием встречали богомольцев и старались, не щадя своих сил, оказать им посильную помощь. При служении ближнему они помнили о себе лишь как о призванных раздавать дары Божии, по слову св. Григория Богослова: «Ты никогда не будешь щедрее Бога, хотя бы и пожертвовал всем, что имеешь, хотя бы отдал вместе с имуществом и самого себя; ибо и то самое, чтобы отдавать себя Богу, человек получает от Него же. Сколько ты ни уплатишь Богу, всё ещё больше того будет оста-

ваться на тебе, и ничего не дашь ты своего, поелику всё от Бога» (167).

Архим. Иннокентий (†1888), прозванный «благоутробным, чадолюбивым, сострадательным, милосердным», милостыню давал не считая — и тайно, и явно. Без помощи от него никто не уходил. Любопытен в этом отношении разговор отца Иннокентия с прибывшей в Глинскую пустынь некоей игуменьей. Видя непомерную щедрость батюшки, игуменья сказала: «Я думаю, что вы раздали рублей пятнадцать». — «Более, — отвечал ей отец Иннокентий, — роздано восемнадцать рублей». — «Можно ли так?» — «Нам их, матушка, Сам Бог посылает. В этом я убеждён и опытом и словом Божиим». В это время подают пришедшую почту. Там было две повестки на 700 рублей. Отец Иннокентий, показывая их матушке, говорит: «Вот вам доказательство» (231). Но иногда у старца ничего не было, тогда он снимал с себя одежду, обувь и отдавал нуждающемуся (231).

О схимонахе Луке (†1898) сказано, что он и приняв схиму, продолжал заботиться о братьях — помогал им, «то чаем и сахаром, то чем-либо другим» (510).

Монах Евгений (†1894) служил ближним, чем мог — «добрым советом, больным давал разные простые средства, хотя сам лекарствами никогда не лечился» (416).

Иеросхимонах Макарий (†1864), узнав, что одна монахиня имеет излишнюю одежду, сказал ей: «Что же ты не раздашь, ведь это грех. Я наг родился и хочу нагим умереть. Сколько у тебя горит лампадок в келлии?» — «Три». — «А сама спишь и потягиваешься. Лучше бы лампы не горели, да сама встала и положила сто поклонов» (262).

Высшим проявлением служения ближнему явилась жертвенность подвижников Глинской пустыни **во время войн** в России.

Когда шла долгая изнурительная война на Кавказе (1817-1864), иеромонахи св. обители самоотверженно несли служение отрядных священников. Вместе с русскими воинами они мужественно переносили все тягости борьбы. Так, иером. Паисий (†1869) вместе с отрядом ходил за Кубань, попал в плен к горцам, которые «обобрали его дочиста и заставили нести на гору десять русских ружей. На горе сели отдыхать. Один черкесский князёк, потерявший в схватке своего сына, стал ру-

бить русских». Эта же участь ожидала и батюшку, но Промысл Божий сохранил его: один из черкесов взял его к себе как военную добычу. У него отец Паисий пробыл полгода, когда был выкуплен русскими (309).

Также во время Крымской войны (1853-1856) братия св. обители усугубляли свои молитвы к Богу, оказывали «материальную поддержку воинам фронта, семьям погибших, утешали скорбящих своими проповедями, а многие из братии, руководствуясь глубоким чувством патриотизма и голосом гражданской совести, добровольно шли на фронт» (166).

В годы Освободительной войны (1877-1878) в монастырской больнице был устроен «лазарет для больных и раненых воинов, в котором пребывало на излечении 50 человек. Больные содержались за счёт обители. Благодаря хорошему уходу и лечению, все выздоровели» (227).

Даже в труднейшее для обители время советской власти, когда иноки находились в крайней бедности, тем не менее они делились с богомольцами своим последним, «особенно заботясь о сиротах и вдовах» (584). В мо-

настыре была оборудована аптека, в которой можно было бесплатно получить лекарства. Действовала и библиотека. «Не только иноки, но и богомольцы могли взять здесь те книги, которые духовник благословил им прочесть» (585). В обитель поступало много писем, и на все давались ответы. «Нередко, получив письмо из Глинской пустыни, человек изменял всю свою жизнь и устремлялся к духовному совершенствованию, поскольку к наставлениям и советам иноки присоединяли свою горячую молитву о том, кто просил у них помощи» (585). Обитель продолжала кормить приезжающих (более 700 человек в день) и оставляла их ночевать. Потом сие советские власти поставили в вину обители: «В монастыре, — говорилось в обвинительном акте, — предоставляют паломникам гостиницу и питание... На автомашине и гужтранспортом привозят и увозят паломников со станции Локоть и из Глухова... На станции Локоть организовали гостиницу, где останавливаются приезжие паломники...»

Так, заключает Патерик, несмотря на различные запреты «и угрозы советской власти, Глинские иноки, исполняя заветы прежних

настоятелей и сохраняя вековые традиции пустыни, продолжали оказывать самый тёплый и заботливый приём богомольцам» (625).

«Старцы Глинской пустыни принимали, исповедовали, наставляли множество паломников, совершали постриги в монашество и в великую схиму» (626).

Благодарение Богу — **служение ближнему Глинской пустыни продолжается и сегодня.**

ДУХОВНЫЕ НАСТАВЛЕНИЯ ИНОКАМ

Так нас учил старец Филарет, так и вы исполняйте и передавайте другим для исполнения, если желаете быть его (Филарета) учениками.

Глинский патерик

На заре существования Церкви Христовой ищущие спасительного подвига познали, что в миру — среди мирской суеты — трудно исполнять заповеди Божии и потому установили особый образ жизни — жизнь иноческую, удаление в пустыню, в безлюдные места, отречение от сродников, от земной славы и земных стяжаний, занятие непрестанной молитвой, соблюдение строгого поста, перенесение различных злостраданий во имя высших целей, во имя вечности — вот чем стали известны эти великие избранники, вышедшие из мира, но уже ему не принадлежащие. Они и заповеди Божии соблюли и принесли Богу особые дары: целомудрие и нестяжательность. Это высокое служение Богу они избрали сами, по своей собственной воле и по своему духовному разумению. О сем ясно и сильно говорится в чине пострига. Перед святым Евангелием ко вступающему в монашество обращаются с та-

кими словами: «Се Христос невидимо zde предстоит: виждь, яко никтоже тя принуждает прийти к сему святому образу; виждь, яко ты от своего произволения хоцещи обручение великаго ангельскаго образа» (87).

Удалившись от мира, иноки, как правило, составляли особые поселения, братства великой духовной семьи, где царствовали мир, любовь, богоугождение, где изгонялась ссора, покорялись непокорные, поддерживались слабые, возбуждались к ревности охлаждающие, где большое — «главное внимание» — обращалось «на духовное воспитание», на то, чтобы представить всю братию достойной милосердия Божия в последний и страшный час (30). О старце Амвросии († после 1918) сказано в Патерике: «Каждого насельника старался поставить в такое положение, чтобы он мог возрастать и преуспевать духовно. Удивительно было его умение давать послушания, соответствующие способностям каждого, которые он предузнавал всегда с редкой проницательностью» (563).

Инокam постоянно напоминалось о должном **соблюдении всех обетов**, «которые лучше исполняются оставившими «вся еже в мире»» (84).

Подобало отречься «от мира и сущих в мире» (87), отсекая свою волю и ни в чем не оправдываясь (84), «ибо ничто не приносит такой пользы человеку, как отсечение своей воли. От отсечения воли человек преуспевает более чем от всякой другой добродетели. Отсекать свою волю можно десять раз в самое короткое время» (91). В Патерике объясняется это на конкретных — понятных случаях, что часто происходит не только в подвиге инока, но и в жизни любого человека: «Положим, кто-нибудь, проходя небольшое расстояние, увидел что-либо, и помысл говорит ему: «Посмотри туда», а он отвечает помыслу в уме своем: «Не стану смотреть», не смотрит и отсекает свое хотение. Встречает празднословиящих, и помысл говорит: «Скажи и ты такое-то слово», а он не говорит. Помысл внушает идти и спросить у повара: «Что варит?» — он не идет и отсекает желание. Увидел какой-либо предмет, и помысл говорит: «Спроси, кто принёс это?» — а он не спрашивает. Таким образом, начиная с малого, человек привыкает в великом спокойно и без труда отсекая свою волю: наконец достигает того, что вовсе не имеет воли. Что ни случит-

ся, он бывает спокоен, как будто не имеющий пристрастия, и от этого он приходит в совершенное бесстрашие. Видишь ли, в какое преуспеяние постепенно приводит отсечение своей воли?» (91).

С отсечением воли неразрывно связано послушание «даже до смерти» (87), несение креста в подражание «нас ради Преклоншему небеса и Сошедшему на землю» (84), терпеливое перенесение всякой тесноты и скорби (87), всегдашнее смирение — старание «от сокрушенного сердца называть себя грешным и непотребным рабом» (84).

Превыше всего ставилась любовь к Богу. Инока увещали: «Ничего не предпочитать и не любить более Бога: ни отца, ни мать, ни братию, ни кого-либо из близких, ни самого себя, ни мира сего, ни покоя или чести» (87).

Непрестанным занятием инока служит повторение молитвы Иисусовой — «ею прогоняются вражеские помыслы» (84). Невозможно быть достойным иноком без молитвы келейной. «Монахи, не держащие келейного правила, мертвые монахи. Правило келейное есть возбудитель душевных сил, отрезвляющий ум для предстояния перед Богом; оно

есть первый руководитель к непрестанной молитве и стена, ограждающая монаха от внутренних искушений» (343).

Где есть постоянная молитва, там есть и пост. «По принятии святого ангельского образа ты... дал обещание жить в посте,... довольствуясь только необходимым... Принимая на себя ангельский образ и свидетельствуясь пред Богом, ты желал постнического жития... ради угождения Господу и по своей непринужденной воле» (87).

Украшением инока служит соблюдение девства, целомудрия, пребывание «в нестяжании и добровольной Христа ради нищете общезжития, ничего не приобретая, ничего не храня, кроме необходимого на общую потребность и то за послушание, а не по своему произволению» (87). Отсечение стяжания вещей есть и отрешение от самого пристрастия к ним. Даже «маловажные обыкновенные вещи, не стоящие никакого внимания (по отношению к важности спасения)», могут увести на путь гибели, «а мы, — учит Патерик, — не знаем и не разумеем этого. Посему если хотим совершенно измениться и освободиться (от мира), то научимся отсекавать хотения

наши и таким образом, мало-помалу, с помощью Божией, преуспеем и достигнем бесстрастия» (91).

Недопустимы для инока расслабление, лень, праздность. «Остерегайся праздности», — повелевает Патерик (84). Архимандрит Исаия (впоследствии схиархимандрит Иоанникий, †1912), будучи настоятелем Глинской пустыни, «большое внимание уделял **бодрствованию** каждого инока над своей душой. Сам Исаия, несмотря на множество забот, не только не терял своей внутренней собранности, но преуспевал в **трезвении**» (375). Старцы считали «трезвение основным духовным деланием» и вслед за преподобным Симеоном Новым Богословом утверждали, «что святые отцы преимущественно упражнялись в нём и сподобились им получать Божественные дарования» (575). «Ты монах, — учил схиархимандрит Илиодор (†1879), — и потому непременно должен бодрствовать» (327). Трезвение называли и, соответственно, определяли по-разному. По слову преподобного Симеона Нового Богослова, «это делание некоторые из отцов называли сердечным безмолвием, другие называли его вниманием, иные трезвением и

противоречием (помыслам) и хранением ума» (375). Патерик смотрит на трезвение с точки зрения нравственно-практической: «Трезвение — главное средство борьбы против греховных помыслов, которые являются одним из основных препятствий к достижению духовно-нравственной жизни, жизни во Христе» (375). Как необходимое «предохранительное средство» для отражения врага нашего спасения трезвение заповедали еще св. ап. Пётр и Павел: «Трезвитесь, бодрствуйте, зане супостат ваш диавол яко лев рыкая ходит иский кого поглотити» (1 Петр. 5, 8)... «Да не спим, якоже прочии, но да бодрствуем и трезвимся... мы сынове суще дне, да трезвимся» (1 Сол. 5, 6, 8) (375). Зная эту апостольскую заповедь, старец Исаия учил братию быть постоянно в бодрственном состоянии, непрестанно следить за своим умом, сердцем и часто повторял: «Будь внимателен!» Внимание к помыслам старец сравнивал с «мысленной мастерской», переделывающей страстную жизнь в бесстрастную. «Если человек, — учит отец Исаия, — находясь среди других, отсекает свою волю и не обращает внимания на чужие грехи, то помыслы его собираются» (375). Сам старец, чем бы

ни занимался, «ум его пребывал в богомыслии, которое, по учению святых отцов, является основанием внутреннего совершенства»(370—371). Иеромонах Иулиан (†1911) считал, что единственно правильный путь постоянно устремлённой к Богу духовной жизни и обязательный для всех — и монахов, и мирян — это «постоянное внимание ко всем своим действиям, и, особенно, словам. Старец учил беречь свой ум от рассеянности, ибо она вносит нестроения в духовную жизнь... Призывая учеников стяжать внимание к своим душам, отец Иулиан указывал им на святоотеческое изречение о хранении чувств: «Дар бодрствования (трезвения) не попускает помыслам входить, а если они и войдут, то не допускает им вредить» (552). В плане этих суждений глубоко назидательно наставление старца Георгия (†после 1961). Когда молодые иноки вопрошали его о духовной жизни, старец говорил, «что главное — хранить в душе мир. Этот мир есть место недостижимое для лукавого. Злой дух... стремится, прежде всего, вывести человека из равновесия, возмутить его, расстроить. Когда это ему удаётся через какое-либо искушение или наваждение (чаще всего

через другого человека), тогда в сей «мутной воде» души враг начинает делать свой улов, толкать человека, ослабленного страстью (гнева, зависти, похоти, стяжательности) — на преступление, то есть преслушание закона Христова. И если человек молитвой и покаянием не порвёт паутины, то через некоторое время она станет бечёвкой, затем — верёвкой, и, наконец, цепью, сковывающей всего человека, и человек пригвождается, как каторжник, к тачке развоза зла по миру, делается орудием лукавого. Рабство и сыновство Божие заменяются сначала рабством, а потом и сыновством лукавому. Поэтому правило духовной борьбы: всякую страсть побеждать силой Христовой, немедленно, как только она зародилась. Изгнать её совершенно мы не можем сразу, но можем всё время загонять её «на дно», чтобы там страсть умирала под действием вод благодати, а душа наша всегда была бы мирная, кристальная, любящая, благожелательная, бодрственная, духовно трезвая. Если на какой-либо стороне души намечается или происходит «прорыв», сейчас же всё внимание сердца надо обратить туда, и усилием, то есть молитвенной борьбой, надо восстановить мир серд-

ца, души» (694). Патерик заключает: «Это и есть трезвение духовное» (694).

Приобрести трезвение нелегко. О схиархимандрите Иоанникии (†1912) сказано, что он ещё в юности много потрудился, чтобы стяжать его. В течение длительного времени он ежедневно вечером спрашивал себя: «Как провёл день? С чем приду на суд? Что сегодня приобрёл я для вечной жизни?», а утром — «Как прошла ночь?» (370). Постоянная молитва и постоянный контроль над своими мыслями помогали ему удержать язык. «Кроме молчания трезвение требовало сдерживания и всех остальных чувств, воздержания в пище и питии, что ревностно соблюдал Иоанн (имя в миру. — К.С.). Но при этом воздержание его было разумным. В трапезу он приходил вместе со всеми, но ел весьма мало, стараясь это скрывать. Также не предавался он и совершенному молчанию, хотя говорил редко и лишь тогда, когда в этом действительно была необходимость. И так во всём стремился он ничем не выделяться среди братии, опасаясь тщеславия» (370).

Но чем труднее приобретение трезвения, тем оно ценнее. «Для духовно трезвого чело-

века враг не страшен», — учит Патерик. Страшен он для расслабленного душой. Человек ленивый, сонливый, не сохраняющий свою душу, не спасется (694).

Особое слово наставления обращалось к новоначальным инокам или **духовно слабым**, по указанию Священного Писания: *Не требуют здравии врача, но болящии* (Мф. 9, 12). Их укрепляли добрыми мудрыми советами. Вот один из них: «Страшливый да не исходит на брань, ибо воины царя земного, ратуя против врагов, за стыд себе вменяют не только бегство с поля битвы, но даже и раны, получаемые ими не лицом к лицу. Так и воины Христовы, приемля и терпя раны от супостата лицом к лицу, через искушения, наносимые им, этим доказывают своё мужество» (57).

В наставления инокам входило и напоминание о символическом **значении монашеских одежд**. Хитон власяной напоминает о терпении и добровольной нищете. Крест — о подражании страданиям Спасителя. Ряса — о попрании печалей от беса и о радости во Христе. Пояс — о готовности бороться со злом и исполнять заповеди Христовы. Мантия — об избежании дел ветхого человека, о ризе спа-

сения и броне правды. Покрывало на голову — о смирении и отвращении глаз от суеты мира. Сандалии — о скорости и усердии на всякое послушание и доброе дело. Чётки — о творении непрестанной молитвы. Наконец, свеча напоминает и означает, что инок «должен чистым и добродетельным житием и добрыми нравами быть светом миру, как говорит Господь: *Тако да просветится свет ваш пред человеки, яко да видят ваша добрая дела и прославят Отца вашего, Иже на небесех* (Мф. 5, 18)» (88-89).

Патерик подмечает, что даваемые иноку наставления исходят **из его обещания** при постриге, которое «невидимо предстоящие Ангелы записали» и потому исполнение его должно быть ненарушимо (87).

Исполнение иноческих обетов кажется трудным и путь спасения иноков весьма тесным, но Господь сказал: *Иго Мое благо и бремя Мое легко есть* (Мф, 11, 30). Противоречия здесь нет. Святые отцы объясняют это кажущееся несоответствие так: «Имеющим доброе произволение иго благо и бремя легко; не имеющим благого произволения, ленивым и нерадивым исполнение иноческих обетов — путь тесный и прискорбный» (86).

Отвергается инок от мира с желанием соединиться с Богом, «восстановить в себе образ Божий, потемнённый страстями после Святого Крещения» (90). Это восстановление может быть целожизненным подвигом. В него войдут и неисчислимы молитвы, и различного рода воздержания, и разные добродетели — в целом: исполнение заповедей Божиих. Важно в этом подвиге найти царский путь и им идти. О старце Филарете читаем: «Он советовал инокам держаться царского пути, т. е. середины в подвигах, предостерегая их от самообольщения, например, неумеренным постом» (57).

Как бы **обобщая** все наставления инокам, старец Пётр (†1898) учит: «Во всяком монастыре всеми силами мы должны стараться соблюдать всё то, что от нас самих зависит и без чего мы жить и спастись не можем, именно: иметь глубочайшее смирение, то есть думать о себе и считать себя всегда наигрешнейшими и худшими всех живущих в монастыре... Стараться со тщанием проходить всякое послушание. Всю братию нелицемерно любить... А потом уже мы можем... носить монашеские и келейные подвиги, как-то:

умеренный пост, ночные бдения, молитвы, поклоны и прочее... Ради покаяния и спасения мы оставили мир и пришли жить в монастырь и в монастыре должно жить уже не помирски, а по-монашески. Для сего должно со вниманием, как можно почаще, читать святых отцов книги... Если будем их знать и познанное исполнять на деле, то избавимся от вечных мучений и получим Царствие Небесное» (503, 504).

На вопрос: «Что должно исполнять монаху?» Патерик отвечает: «Монаху, как сыну, должно от всего сердца и всем помышлением любить Бога; как рабу — благоговеть пред Ним и повиноваться Ему, со страхом и трепетом исполнять Его заповеди, каждодневно производя над собою суд относительно помыслов и дел (и затем) недостающее восполнять, а соделанным добром не возноситься, называя себя рабом неключимым, должного не исполнившим, как следует; обо всём Бога Всесвятого благодарить и Ему приписывать всё (сделанное) исправно в своей жизни; ничего не делать по тщеславию или человекоугодию, но всё делать тайно, и от единого Бога ожидать похвалы. Прежде же всего и

более всего (необходимо) быть ограждённым православной верой во все догматы Вселенской Церкви, переданные ей от Апостолов, богопроповедников и от святых отцов, ибо жителствующим так великое воздаяние (будет): жизнь нескончаемая и обитель несокрушимая у Отца и Сына и Святого Духа — Единосущного Триипостасного Бога» (99).

«Помните великий день вашего пострига, — призывает старец Андроник (†1974), — помните обеты при постриге, данные вами... быть истинными монахами — вовеки не согрешите» (666).

«Сын и брат о Господе — обращается к иноку старец Филарет (†1841). — Если так поступишь и этим благоугодишь Господу, то заслужишь похвалу и прославишься перед Ангелами и человеками, как верный воин Христов, и наследуешь Царствие Небесное со всеми святыми» (84).

ХРИСТИАНСКАЯ КОНЧИНА

Я дома, ты в гостях.

Старец Архипп (†1896).

*Ведь жизнь наша быстро проходит; это самообман,
будто жизнь тянется словно без конца.*

Старец Василий Серебренников*

«Христианские кончины живота нашего, безболезненны, непостыдны, мирны...» у Господа просим — с такой молитвой, всех нас объединяющей, мы обращаемся к Богу почти за всеми богослужениями Святой Церкви, выражая ими и нашу веру, и наше упование, и желание... Как правило, во время этого прошения мы низко склоняем головы, а некоторые из нас делают и поклоны.

Но чтобы наша кончина была подлинно христианской одного желания недостаточно — ей должно предшествовать соблюдение ряда условий. Эти условия обнаруживает для христианина Глинский патерик, раскрывая и земное житие глинских подвижников, и последние минуты их земного бытия.

* Свеча Богу... М., 1999. — С.183.

К христианской кончине как началу вечных радостей глинские подвижники **готовились**.

Иеросхимонах Макарий (†1864), всю свою жизнь проведший в подвигах благочестия, за шесть месяцев до кончины затворился в келье и редко кого принимал. Время уединения он всецело посвящал вычитыванию всех богослужений, а когда совсем ослаб, просил делать сие кого-либо из братии. «Тёплая непрестанная молитва была единственным утешением подвижника во время болезни и ещё более отделяла его от всего земного и смертного. Ибо, по слову святителя Иоанна Златоуста, через беседу с Богом мы становимся выше смерти и тления и переходим к жизни бессмертной. Теперь ещё чаще отец Макарий стал приобщаться Святых Таин Христовых, твердо веруя в скорое разрешение души своей от уз плоти» (264).

Усилил свой подвиг перед кончиной и схимонах Лаврентий (†1881): целый год он непрестанно творил молитву и часто причащался Святых Христовых Таин. «Несмотря на крайнее оскудение физических сил, подвижник и в последние дни жизни не хотел оставить подвига благочестия» (363).

Всю жизнь готовился к христианской кончине старец Архипп (†1896) — «память смерти он развил в себе слезами, покаянными чувствами, сокрушением духа, полным послушанием воле старших, пением заупокойных священных песнопений, воспоминанием о смерти своих сподвижников» (452—453). В келье у него стоял раскрытый гроб, в который он иногда ложился. На гробе была надпись: «Всё наше тут» (453).

Игумен Филарет (†1841) перед кончиной попросил у всех прощения, затворился в келье, сказав, чтобы никто не приходил к нему, и на второй день Святой Пасхи мирно отошёл ко Господу.

Старец Симон (†1958) иначе встретил свой последний час: за несколько месяцев до кончины он не уединялся, не искал покоя, а весь отдался на служение ближним — «несмотря на слабость телесных сил, всемерно старался утешить, поддержать, наставить и даже обласкать приходивших к нему за советом» (619).

Исключительной была кончина иеромонаха Евграфа (†1848). В день смерти он позвал своего соседа и сказал ему: «Ах, отче, если бы ты знал, как мне хочется посмотреть на небо:

там непрестанно ликуют сонмы святых» (161). И когда его вынесли, он с духовным восторгом взглянул вверх и скончался, «оставив на устах улыбку» (162).

А иеромонах Порфирий (†1868), духовный писатель, напечатал статью «О бессмертии» и тогда же отошёл сам в бессмертие (303).

Все иноки, уходившие в мир иной, напутствовались Святыми Таинствами — Елеосвящением и Причащением (119, 161, 286, 411...). О том, какое значение придавалось Святому Причащению, свидетельствует такой случай. В Глинской пустыни скончался один инок не напутствованный Святыми Таинами. Иеромонах Иона (†1865), узнав об этом, очень скорбел. Но с упованием на всеильную помощь Божию он с Телом и Кровью пришёл к почившему и громко обратился к нему: «Отец Феодот, я пришёл тебя приобщить, прими Святые Таины» (286). Усопший открыл глаза и принял Святые Таины, затем перекрестился и со светлым лицом тихо ушел в небесный мир (286).

Господь удостаивал Своих угодников знания Его Божественной воли и потому они предсказывали время своей кончины.

Когда один из братьев, пришедших навестить старца Феодота (†1859), видя его ослабевшим, спросил: «Отец Феодот! Ты, кажется, уже скоро оставишь нас, как будто ты собираешься умирать?» — старец ответил: «Нет!» и после некоторой паузы добавил: «...в четверг умру!»

Патерик поясняет: «Четверг, на который указывал больной старец, приходился в 16-й день июля. Так за десять дней старец предсказал день своей кончины» (196).

Также старец Архипп (†1896) точно предсказал время своей кончины за пять дней (479).

Монах Анания (†1860) говорил, что он умрёт на Пасху, и каждый год, как только приближалась Пасха, с усердием готовился к кончине. Так проходили годы, почему его словам перестали придавать значение, «но они исполнились: отец Анания умер... на третий день Пасхи... Братия хоронила своего сподвижника, воспевая: «Воскресения день», и была уверена, что их почивший собрат перешёл «от смерти к жизни, от земли к небеси» (210).

Кончины не боялись. Когда иеромонах Маркарий (†1864) получил «некое откровение о приближающейся кончине», он лишь усугубил свои молитвы, свой и без того великий под-

виг. Старец затворился в келье и редко кого принимал. Пока был в силах сам, или с участием кого-либо из братии, вычитывал все богослужения. «Когда же болезнь повергла его на одр, он благоговейно выслушивал молитвословия, не вставая» (264). А о старце Серапионе (†1859) читаем: «Изнемогая от трудов и старости, отец Серапион давно уже готовился к смерти и стремился туда, где в обителях небесных вселит Господь святых Своих» (178).

Иногда старцы **делали завещания**. Последними словами игумена Филарета (†1841) были: «Имейте, братие, мир и любовь между собою, а я, если обрету у Господа дерзновение, то верую, яко обитель наша не оскудеет. Вы же сотворите любовь, поминайте меня отцом своим, аще аз и недостойный, и обрящете благодать от Бога». Чтобы подчеркнуть значимость данного завещания и показать его действенность, Патерик продолжает: «Поистине игумен Филарет не оставил духовных чад своим предстательством перед Богом. Он являлся неоднократно схиархимандриту Илиодору (†1879. — К.С.) и другим своим ученикам и почитателям, предсказывая им день кончины, подавая необходимые советы, спа-

сительные наставления» (70)... Запомнили глинские иноки и последние весьма поучительные слова подвижника Кирилла (†1891): «Терпи и смиряйся» (404).

Сама **кончина** чистых сердцем была представлением к Жизни — **успением**.

Сразу обращает на себя внимание свидетельство Патерика о переходе в мир небесный величайшего глинского подвижника Феодота (†1859). Это свидетельство поучительно для нас не только утверждением образа кончины праведника, но и удивительным совпадением с блаженной кончиной и нашего дорогого батюшки отца Иоанна Маслова (†1991) — один и тот же день 16 июля по с/с, 29 июля по н/с. Читаем об этих двух небесных человеках:

«16 июля, в четверг, в присутствии нескольких человек младшей братии, старец Феодот лежал тихо и спокойно на полу, устремив потухающий взор свой на икону Спасителя. В четыре часа утра, когда наступил час разлучения души с телом, он с усилием поднял руку, оградил себя крестным знаменем и с светлым лицом предал дух свой в руки Господа своего, уснул, как невинный младенец»

«29 июля в понедельник в 9 часов утра старец (отец Иоанн. — К. С.) причастился, а в 9.30 мирно отошёл ко Господу в полном сознании» (750).

Случайно ли это совпадение?

В день кончины иеромонах Порфирий (†1868) говорил: «Бог человеколюбив, Он грешников (кающихся) прощает. В Глинской много монахов спаслось, много спасётся» (303). Прозревая будущее, он вещал: «Со временем падёт вера в России. Блеск земной славы ослепит разум; слово Истины будет в поношении, но за веру восстанут из народа неизвестные миру и восстановят поправное» (303).

Схимонах Артемий (†1885), приняв таинства Елеосвящения и Причащения, «спокойно ожидал той минуты, когда душа его оставит брэнное тело и переселится ко Господу. До самой этой минуты он по чёткам читал молитву Иисусову и с ней скончался» (369).

Старец Илиодор (†1879) за три дня до кончины, причастившись Святых Таин, попросил, чтобы ему поднесли келейный крест с распятием Христа Спасителя, приложился к нему и велел поставить на прежнее место. В самый день кончины снова причастился. Всё

время был спокоен. «Последний тихий вздох возвестил, что земное поприще старца схиархимандрита Илиодора окончилось... Он мирно почил о Господе» (355).

Монах Димитрий (†1891) в последние минуты земного жития встал от одра, «поправил перед образами лампадку, помолился, лёг, три раза ударил рукой о пол, на котором лежал, и тихо предал дух свой Богу» (403).

Схимонах Архипп (†1896) после Соборования велел сказать игумену обители о том, что он умирает. За полчаса до кончины ещё раз причастился. Принесена была чудотворная икона Божией Матери; ею осенили подвижника, прочитали акафист великомученице Варваре и начали петь отходную. «Во время отходной дыхание становилось всё тише и реже, наконец, он без всякой агонии, тихо, едва заметно испустил дух, точно заснул... Трогательно и поучительно было смотреть на блаженную кончину подвижника» (479-480).

Один из последних старцев Глинской пустыни схиархимандрит Серафим перед кончиной (†1976), «будучи в полном сознании», увидел многих своих умерших братьев, которые пели стихиру Божией Матери «Совет

Превечный». Затем сам тихонько запел: «Вкусите и видите, яко благ Господь. Аллилуия». Когда видение окончилось, старец стал вслух размышлять: «О чём я молился всю жизнь и чего искал, то открылось сейчас в моём сердце; моя душа исполнилась благодати настолько, что не могу её даже вместить». После сего сказал: «Теперь я буду умирать», закрыл глаза и замолчал (688).

Некоторые из подвижников при расставании души с телом слышали сами ангельское пение, или это слышали присутствующие при этой тайне. Так, послушник Андрей, прозванный за свою кротость смиренным (†1898), слышал возле своего одра «неземное пение». В полном сознании он простился с ухаживающим за ним монахом, легко вздохнул и перешёл в вечность. Место, где он пребывал, «наполнилось благоуханием» (523). А при кончине монаха Феодота (†1859) «пение неземных певцов» слышал монах Досифей (†1874) — тоже известный угодник Божий (197, 319).

При кончине было очевидно **благодущие уходящих** от земли.

Когда схимонах Евфимий (†1866), приблизившись к кончине, был напутствуем Святы-

ми Таинствами, на лице его появилась светлая улыбка, а на глазах слезы радости. Один из иноков не понял этих слез и спросил старца: «Батюшка, что вы плачете! Разве и вы боитесь умирать?» Старец улыбнулся и сказал: «Чего мне бояться? Идти к Отцу Небесному и бояться! Нет, брат, я, по благодати Божией, не боюсь; что ты видишь мои слезы, это слезы радости. Сколько лет душа моя стремилась ко Господу, а теперь приближается желанное время, я скоро предстану Тому, к которому всю мою жизнь стремилась душа моя и увижу Его: вот слезы и текут». Патерик продолжает: «Таковой любовью и Божественным страхом преисполнена была душа старца-подвижника, отходящего от земного бытия... Мирно пребывая в сердце своём с любимым Господом пресладким Иисусом, он скоро испустил тихий последний вздох, с которым блаженная его душа оставила земное многотрудное тело и потекла к любимому Господу со страхом и радостью» (295).

В день приготовления к кончине схимонах Лука (†1898) «был необыкновенно весел». Ученикам он в полном спокойствии говорил: «Сегодня умру». Слыша это, «брат Иоанн на-

чал читать ему часы. Отец Лука, стоя, указывал порядок чтения. Перед чтением обедницы старец замолчал... Инок Стефан побежал просить скитона начальника особоровать подвижника. Спустя два часа после Елеосвящения, отец Лука тихо испустил дух» (516)...

У монаха Мартирия (†1865) при разлучении души с телом «лицо озарилось светлостью просияния» (282).

Перед кончиной архимандрита Иннокентия видели на его голове золотой венец. Об этом Патерик повествует так. Незадолго до ухода в мир вечности отец Иннокентий принял одну паломницу. Что произошло — потом она рассказывала: «Как только я вошла, увидела вокруг головы батюшки золотой венец, и лицо его было, как у Ангела, я вся изменилась и трепетала от страха. Прощаясь, я хотела сказать о своём видении и только упомянула, что я видела, отец Иннокентий, улыбаясь, перебил меня словами: «Молись, и ты то же получить можешь» (232).

Сохранявших благодушие Господь удоставлял кончины в самый радостный праздник. Монах Александр (†1869), сказано в Патерике, «пошёл в открытые райские двери в пер-

вый день св. Пасхи, когда после утрени началось христосование (315). Также монах Николай (†1870) просил Бога умереть на Пасху — и на третий день Пасхи умер (316).

Видя блаженную кончину глинских подвижников, многие и называли, и **считали их святыми**.

Так, когда праведная душа монаха Евгения (†1894) «тихо отлетела в небеса», свидетели последней минуты «не усумнились назвать его святым человеком» (416).

Самые добрые чувства вызывало видение спокойной и даже радостной встречи старца Архиппа (†1896) со смертью. «Только тот, кто в юности своей приобрёл веру в Бога, сердцем полюбил христианские добродетели, паче же всего усвоил страх Божий, а в возрасте мужества подвигами благочестия воплотил их в своей жизни, только тот мог так... безбоязненно ожидать своего перехода в вечность» (479).

Поистине христианская кончина есть лучшее свидетельство христианской жизни! Поэтому Патерик и отвечает: «Высота духовной жизни отца Иоасафа (†1960. — К.С.) открылась в самой его кончине» (632). Смиренный инок просил Божию Матерь, чтобы Она заб-

рала его к Себе до закрытия обители — так и произошло (632). Ту же просьбу услышала Царица Небесная и от старца Евстратия (†1961) — скончался он, можно сказать, накануне закрытия Глинской пустыни, и был похоронен на братском кладбище (645).

Сам обряд **погребения** праведников имел характер **торжества жизни над смертью...**

О похоронах старца Архиппа (†1896) Патерик говорит: «У всех был точно праздник: радость, а не печаль была в сердцах всех братьев, — верилось, что душа почившего избавлена от испытания на воздушных мытарствах и прямо перешла в небесные обители». В этом уверяли и высокая жизнь подвижника и его блаженная кончина (480). Также и во время погребения послушника Андрея (†1896), юнейшего из братии (скончался на девятнадцатом году жизни), «чувствовали не страх и трепет, а какую-то радость. Несли покойника к могиле как живого, призванного к Царю для получения великой награды, которая, по неложному слову Священного Писания, обещана всем любящим Господа». Настоятель обители, взглянув на его лицо, воскликнул: «Он теперь ещё прекраснее прежнего» (524).

«Вечную память» — провозглашает Святая Церковь в самом конце земного пути всякого православного христианина. И хорошо, если почивший оставляет по себе добрую память, память добрых дел. Именно они продолжают жить здесь, на земле; они идут с человеком и в бессмертие, где нет уже ни болезней, ни печалей, ни воздыханий. Эту мысль Святая Церковь «ясно выражает в погребальных своих молитвах и песнопениях, которые перед духовным взором верующего как бы открывают двери загробного мира, куда провожаем душу «усопшего» или уснувшего, чтобы за гранью видимого, она, освободившись от тяжести брэнного тела, могла насладиться вечным покоем обещанного Царства Небесного» (426).

«Духовные мои братие и спостницы, не забудьте мене, егда молитесь; но зряще мой гроб (могилу), поминайте мою любовь и молитесь Христа, да учинит дух мой с праведными», — взывает Святая Церковь от имени почившего (482). Внимая этому призыву и зная чистоту жизни и святость кончины глиньских подвижников, продолжатели их святого дела молятся за них и одновременно просят

и их ходатайства на Небе с несомненной верой, что их предстательство есть, что оно сильно, действенно. О старце Иннокентии (†1888) читаем: «Погребенный телом, он жив бессмертной душой и многим являлся во сне, утешал скорбящих, исцелял болящих и давал наставления. Видевшие его действительно переставали скорбеть, болезни недугующих проходили, и исполнившие его советы имели в делах своих успех» (234).

Наконец, Патерик, в плане размышлений о христианской кончине, учит и взывает: «Память смертная и страх будущего Суда» как огонь поядают нечистоту сердца и готовят «к принятию благодатных даров» (618).

«Нужно думать и помнить каждую минуту о смерти. Как ложишься спать, думай: «Легли многие и не встали; заснул — и на вечность» (672).

«Помни смертный час: ах, умереть надо, а смерть грешников люта!» (460).

БОРЬБА С ПОМЫСЛАМИ, ИСКУШЕНИЯМИ, ГРЕХОМ И ВРАГОМ СПАСЕНИЯ

Если человек увлечен мирской суетой до забвения о духовных предметах, то, хотя он и слышит или читает слово Божие, но не может вместить его (в таком случае сердце его бывает подобно наполненному сосуду, который, пока не освободится от того, что содержит в себе, не может вместить ничего нового), а поэтому и остается без плода.

Глинский патерик

Борьба с помыслами

Согласно определению преподобного Симеона Нового Богослова (†1021), «греховные помыслы — это стена, отделяющая человека от Бога». Общение с Богом становится возможным лишь после разрушения этой преграды (375). Допущение злых — греховных — помыслов ведет к нарушению единения с Богом — Источником Святости, Жизни. Кроме того, мысленный грех обычно «служит импульсом к греховным действиям» (109). Но человек может и согласиться с ним, может и отвергнуть. Исходя из сего, иеромонах Варсонофий (духовник Глинской пустыни в начале двадцатых годов XIX века) указывал:

«Последователю Христову необходимо противиться порочным помыслам и не допускать их в свое сердце» (109).

Борьба с греховными помыслами — **подвиг трудный**, ибо речь идет о противостоянии самой злой силе, внушающей их (109). Старец Макарий (XIX в.) говорил: «Наука наук и искусство искусств состоит в умении управляться со зловредными помыслами» (420).

Глинские старцы раскрывали это «умение» — указывали действенные **средства** для успешной **борьбы** с недобрыми помыслами.

На первое место в борьбе становится **откровение** помыслов — исповедание их. «Постоянная готовность человека решительно пресекать греховные мысли в самом их зародыше, — учит старец Варсонофий (первая половина XIX в.), — чистосердечное их исповедание могут привести к полной победе над искусителем» (109. С: 377).

Представляя систему воспитания новоначальных иеросхимонахом Софронием (†1911), Патерик повествует: «Он приучал их быть откровенными с ним не только в делах, но и в помыслах. Такая откровенность и близость отношений не допускала учеников до грубых

погрешностей. Нелегко бывало новонаначальному иноку открывать помыслы своему наставнику. Отец Софроний объяснял, что враг часто возбуждает у новоначальных чувство ложного стыда и тем самым препятствует чистосердечному исповеданию своих помыслов старцу. При таком состоянии иноку необходимо приложить усилие к откровенности, после чего она постепенно станет его добрым навыком и раз от раза он будет открывать свои помыслы непринужденно. Старец убеждал, что без откровения помыслов иноку очень трудно будет устроить свою духовную жизнь. Он опытно знал, что иноки, приучившие себя к откровению, со временем бывают способны помогать ближним в их смущениях» (541).

Важное значение имеет **несогласие** с греховным помыслом, невзирая на то, что он может оказаться, на первый взгляд, невинным и как будто даже нужным нам. Останавливая на нем внимание человека, «злая сила начинает действовать еще сильнее: внушает ему помыслы уже с более конкретными и очевидными признаками греховности и, наконец, ввергает его в бездну порока» (109). Поэтому тот, кто желает и стремится получить вечное спасение, —

по слову иеросхимонаха Паисия († после 1961), последние годы проведенного в обители преподобного и богоносного отца нашего Сергия, — должен не только «бороться с грехом, но обязан не соглашаться с порочными мыслями и пожеланиями, которые нарушают спокойствие его совести» (653—654).

Рекомендуется также для прогнания злых помыслов чтение Священного Писания, осеменение себя крестным знаменем, частое повторение молитвы Иисусовой: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного» (451).

Вот то, что должно знать о греховных помыслах и как восстать против них, чтобы они «не породили злого желания и греховного дела» (451).

Борьба с искушениями

Искушения бывают **двоякого рода**: одни идут от Бога, другие — от духа зла, и поэтому по самому существу они бывают диаметрально противоположные.

Искушения от Бога — это испытание добродетелей человека. От злой силы — это прельщение на грех.

Бог испытывает человека в терпении, послушании, чистоте сердца, в боголюбии (примеры: терпеливый Иов, послушный Авраам, целомудренный Иосиф, боголюбивые израильтяне). Цель сего искушения — «яснее показать добродетель для большего увенчания славой на небесах и для пользы ближних» (94). — Злой дух, искушая, предлагает человеку временную сладость греха, чтобы уловить его, поработить и увлечь в вечную гибель.

Бог испытывает добрых — «сердца избранных праведников», — любя их. — Темная тварь искушает человека, ненавидя и его, и совершаемое им добро.

Бог, испытывая любимого Им, желает очистить его, уподобить его золоту, прошедшему сквозь огонь. — Злая сила искушает, чтобы свергнуть в большие скверны.

Бог хочет спасения испытываемому и готовит ему венец славы. — Супротивник хочет гибели и готовит муки.

Искушение от Бога сначала бывает скорбным, трудным, но потом и здесь, на земле, приносит благодатное утешение, и там, в жизни будущей, доставляет вечные блага. — Искушение же супостата сначала бывает слад-

ким, но затем неминуемо влечет за собой горечь, угрызения совести и, наконец, нескончаемые муки.

«Итак, одно есть искушение (испытание) Божие, другое искушение диавольское» (94–95).

Патерик говорит и о **причинах**, по которым Господь попускает человеку искушения. На основании святоотеческих указаний он отмечает пять причин. Вот они: «1) чтобы, борясь, боримые навыкали различать истинное добро от зла, которое умеет прикрываться мнимой добродетелью, 2) чтобы добродетель, стяжанная трудом в борьбе, была тверже и неприкосновеннее, 3) чтобы, преуспевая в добродетели, мы не возносились, но укреплялись в смирении, 4) чтобы за терпение и труд в борьбе сподобиться большей награды, 5) чтобы достигшие бесстрастия, мы не забывали о своей немощи и о силе Божией, или благодати, помогшей нам» (103–104).

Боятся искушений **не следует**, ибо они **полезны**. Поэтому должно «всегда ожидать» их и быть готовыми встретить их, чтобы, когда придут — не смущаться, не изумляться. (94). «Кто боится искушений, тот или добра не делает, или, сделав добро, совершает большее зло

и разрушает прежде сделанное. Св. Антоний Великий говорит, что без искушения никто не спасется. То же утверждает и св. Лествичник в 26-м слове» (103). Без искушений — бед, скорбей — человек легко забывается и все сделанное им добро начинает «приписывать себе, а не благодати Божией». Но как только он «засмотрится на себя», так тут же и падает (104).

Спокойно встретив искушения, надо их в том же спокойствии **перенести и победить**. «Блажен муж, иже претерпит искушение: зане искусен быв, примет венец жизни, его же обеща Бог любящим Его», — восклицает св. ап. Иаков (Иак. 1, 12). «Напротив, не искушенный муж не искусен, а кто всем будет искушен, может и искушаемым помочь» (94). Поэтому и преподобный Марк Подвижник считает истинной добродетелью то, «когда после совершения добра человек победит искушение и не впадет в грех» (103).

В деле борьбы «с диавольскими искушениями» (104) важно смириться, не забываться, не превозноситься (104). Старец Иосиф считает, что в сем деле «наиболее **ценным средством**» является **исповедь**, и призывает «всех как можно чаще исповедоваться». «Христианская ис-

поведь, — по его слову, — это лекарство. Исповедь — действеннейшее средство в деле духовного совершенствования» (696).

Образ борьбы с искушениями и славный конец ее явил в своем подвиге старец Феодот (†1859). Много зол он перенес и от людей, и от темной силы, но все победил — «остался непоколебим в своем стремлении к добродетельной жизни, и Господь возвеличил его. В нем видимо для всех проявился благодатный дар прозорливости, и он стал пользоваться глубоким уважением и благоговением братии и всех знавших его» (186).

Много искушений испытал и старец Илиодор (†1896) — на заре своего иночества по клевете был даже удален из Глинской пустыни, — но не потерял надежды на помощь Божию и усердно просил Царицу Небесную заступиться. И вот как он рассказывает о конце своих горестей: «Слышу: на колокольне пробило 12 часов; в это время отворилась калитка, ко мне вышел монастырский духовник, и он объявил мне, что настоятель принимает меня снова в обитель, а послушание назначает на братской кухне. Какова же была моя радость! Я не находил слова, как отблагодарить Царицу Небесную!» (329).

Обозрение наставления Патерика о борьбе с искушениями можно завершить словами Премудрого Сираха: «Чадо, аще приступаеши работати Господеви Богу, уготови душу твою во искушение: управи сердце твое и потерпи. Не скор буди во время наведения: прилепися Ему, и не отступи, да возрастeши напоследок твой» (Сир. 2, 1–3).

Борьба с грехом

Как необходимо бороться с искушениями, так необходимо решительно выступать и против греха.

Глинский патерик мало говорит о самом грехе. Назвав его «самым ужасным злом в мире», от которого «человек терпит всякие бедствия здесь, на земле, и лишается вечного блаженства» (696), он обращает внимание на главное — на предупреждение греха, на его отстранение, изгнание.

Неверно делить грехи на малые и большие и, разделив их, сторониться больших и не придавать значения малым. — Любой грех опасен. «Берегись малого греха, — учит Патерик, — то никогда великого греха не будет» (501). И опасен грех в равной мере и в юно-

сти, и в старости. В старости он особенно опасен, если с ним не было борьбы в юности — «трудно бороться в старости, когда мы себя к этому не подготовили» (316).

Для борьбы с грехом, по учению старцев, последователю Христову должно **мобилизовать все силы** — и духовные, и телесные. «Только при таком сочетании и направлении сил духа и тела возможна полная победа христианина над его ветхим человеком» (106).

В борьбу с грехом, со страстями надо вступать смело и, если в этой борьбе встретятся неудачи, не расслабляться, не поддаваться унынию. «А что страсти нас борют, — учит старец Илиодор (†1879), — от сего унывать не должно, это наша брань, против которой мы должны всегда быть готовы. Нужно только усиленно противиться их требованию. А чтобы успешнее против них действовать, надо повнимательнее рассматривать, которая сильнее в нас действует страсть, против этой одной следует вооружаться всей крепостью» (349).

Оружием «сильнодействующим», сокрушающим грех, служит **молитва** (640). «Она не позволяет коснеть во грехах, приносит истинное утешение, наполняет сердце радостью и

миром. От упражнения в непрестанной молитве человек приобретает молитвенный опыт, опыт борьбы с врагом и его искушениями» (700). Конкретно рекомендуется: читать «ежедневно Псалтирь, Каноник и молитву: Господи, не лиши мене небесных Твоих благ. Прочитывай ее несколько раз в день: она весьма утешительна» (501).

Монах Николай (†1870), чтобы победить одолевший его грех, прибег к особому средству — стал ежедневно, при любой погоде, ходить на кладбище. «Там, среди могил и крестов, вместо телесной красоты, он представлял себе бренность естества человеческого и тление во всем его безобразии; вместо минутного услаждения — вечную муку» (316). С помощью благодати Божией отец Николай устоял (316).

Завершением к теме о борьбе с грехом может служить рассуждение старца Василия Серебrenникова (†1996): «Возненавидеть грех сердцем это большое дело, дело благодати. Самим же нам нужно хотя умом (волей) его отражать и затем молитвой (по епископу Феофану)*».

* «Свеча Богу...», М., 1999. С. 47.

Борьба с врагом спасения

Патерик, призывая к неослабной борьбе с помыслами, искушениями, грехом, одновременно настойчиво **увещает укрощать** воздвигаемую против спасающегося **«брань духа злобы»** (138).

Какие ухищрения применяет злая сила, как она действует? — Ухищрения искусные, действия различные: умаляет грех, оправдывает уже совершенный, внушает отложить мысли о спасении ко времени старости. Но лучше послушать ответ на эти вопросы самого Патерика: «Когда видит диавол, что кто-нибудь не хочет согрешить, то он не настолько неискусен в деянии зла, чтобы внушить ему делать явные грехи, но умаляет их. Не говорит: «Иди сотвори блуд или поди укради», знает, что не хотим этого, и не считает нужным внушить нам нежелаемое, но находит в нас одно пожелание или самооправдание и под видом доброго вредит нам» (92). «У врага спасения всегда находятся предлоги к нашему самооправданию. То он указывает на других, небрежущих спасением, то ложно толкует, что мы же не святые, чтобы ни в чем не сделать себе послабления, и т. д.» (102). Патерик отмечает, что

этими ухищрениями «многие уловляются», забывая обращенный ко всем призыв св. ап. Петра, того апостола, который сам на себе испытал силу действия темного духа (Мф. 16, 23; Мф. 8, 33). «Бодрствуйте, — призывает св. апостол, — уповайте на благодать Божию и, как послушные дети, не сообразуясь с прежними похотями, но, по примеру призвавшего вас Святого (Бога), сами будьте святы во всех поступках или во всем житии. Ибо написано: будьте святы, потому что Я свят. И, если вы называете Отцом Того, Который нелицеприятно судит каждого по делам, то со страхом проводите время странствования вашего: зная, что не тленным серебром или золотом искуплены вы от суетной жизни, но драгоценною Кровию Христа» (1 Петр. 1, 13—19) (102).

В Патерике приводится весьма поучительный рассказ старца Мартирия (†1865) (имеющий прямое отношение к нашей теме) о том, что однажды случилось с ним. Какая-то добрая, благоговейная женщина, приехав в обитель, раздавала более почитаемым старцам карманные платочки. Такой платочек был подан и отцу Мартирию. Дальше цитирую его слова: «Я взял поданный платочек и придя в

келлию, развернул его, а в нем оказалось пятьдесят копеек денег, я подумал куда их деть? Да пусть полежат, я отдам кому-либо нуждающемуся. Вечером после келейного правила, когда затушил огонь, чтобы успокоиться, замечаю, подходит мысленный прилог и говорит: «А вот что хорошо бы тебе сделать: человек ты уже старый и слаб, надо себя поддержать, а то, пожалуй, можно совсем ослабеть, вот теперь деньги есть, хорошо бы купить водочки и перед обедом пить по маленькой чарочке для аппетита, пообедал бы лучше, вот бы и здоровье подкрепилось, а то от воздержания и аппетит прекращается». Вначале я не придавал ему значения, а враг нашептывал, нахально все лезет со своим лукавым советом и мешает псаломским словам, а далее пристал так неотвязно, что мне стало противно его нахальство. «Э! — думаю, — да тебе, нечистый враже, лишь бы к чему привязаться, то ты сейчас и здесь! Надо с тобой поскорей разделаться!» Я взял платочек с деньгами и, выйдя из келлии, отыскал кирпич и привязал к нему платок с деньгами и пошел к речке, где самое глубокое место (около бани). Стал спиной к речке, чтобы не видеть, где упадет кирпич, и забросил его

через голову в воду, не оглядываясь назад, и пошел обратно в свою келлию. Придя в келлию, почувствовал спокойствие» (275).

Иногда враг спасения принимал образ благожелателя, раскрывая перед подвижником неудобства, трудности монастырской жизни и внушая ему вернуться в мир (185). Если это не колебало душевную твердость спасающегося, то враг приступал к нему со всевозможными устрашениями — принимал образы разных чудовищ и зверей (185), привидений (185). Когда однажды спросили монаха Федора (†1859), видел ли он наяву бесов и если да, то каковы они, старец сказал: «Они мерзкие... Видели вы медведя?.. Ну, вот он в таком виде может явиться» (186). Тот же старец в ответ на просьбы рассказать, какие усилия употребляет враг спасения человека, когда желает на него воздействовать, воскликнул: «Ох! Если бы вы увидели, с каким усилием враг увивается около искушаемого человека и старается быть как можно ближе к нему, то вы изумились бы. Когда человек идет, ступая по земле ногами, и еще не успеет поднять ногу с места, на котором она стояла, а преследующий его диавол уже старается на его след поставить свою гнусную лапу. Как хит-

рые птицы, как лукавые лисицы окружают нас богомерзкие демоны и жадно похищают в душе нашей всякое добро и расположение и ослепляют наши духовные очи» (186).

Особенно сильно нападает враг на спасающегося в начале подвижнической жизни. Но не оставляет он в покое и того, «от которого видел себя попираемого незлобивым терпением и другими подвигами самоотвержения» (185).

Бороться со злой силой нелегко.

В житии монаха Мартирия (†1865) рассказывается, что когда угрозы бесовских полчищ не поколебали его, бесы, по попущению Божию, нанесли ему удары, и настолько сильные, «что от них образовались на теле кровавые подтеки в виде синих полос. А особенно пострадала его правая рука, на ней были следы ударов палкой. От таковых побоев старец не мог свободно владеть рукой и после довольно долгое время носил перевязанную руку на полотенце на шее» (278). — Чтобы читатель не усомнился в действительности сообщаемого, описатель подвигов старца заявляет: «Это случилось в 1863 году в летнее время. Пишущий эти строки сам видел отца Мартирия, болящего от таких бесовских

побоев» (278). О том же старце повествуется, что враги спасения не давали ему возможности уснуть после больших трудов и поэтому он приходил в псалтирню, туда, где совершается неусыпаемое чтение Псалтири. Братиям, не знавшим причины сего и поэтому упрекавшим его, старец говорил: «В келлии враги не дают уснуть, а в псалтирне читается слово Божие, вот здесь врагу той свободы нет, здесь я немного и сосну» (278—279).

То, что происходило со старцем Мартирием, не было чем-то новым в борьбе со злой силой. В Древнем Патерике египетских подвижников рассказывается, что враг так напал на первых анахоретов, что они совсем не могли спать. И вот чтобы избавиться от действия злой силы, они собирались по несколько человек в одно место — «один из них читал псалмы, а прочие покоились сном» (283).

Монах Досифей (†1874), прозванный за святость жизни Благоговым, вынужден был в течение пяти лет вести непрерывную брань с врагом спасения, пытавшимся увести его из святой обители (318).

Упоминается в Патерике и о борьбе с врагом преподобного Серафима Саровского (†1833): борясь с ним, преподобный «стоял

тысячу суток на камне, когда отказался два раза от предлагаемого настоятельства в сане архимандрита» (290).

Для борьбы с врагом спасения в Патерике указываются и **средства**. Самым действенным средством считается молитва и Крест Господень. Об известнейшем глинском старце монахе Феодоте (†1859) читаем: «Неустршимый подвижник прогонял врага и разрушал его наветы молитвой и силой животворящего Креста Господня» (185). Когда же один инок в брани с духом злобы готов был пасть, игумен Евстратий (†1885) вместе «с братией возносили горячие молитвы к Господу, чтоб Господь облегчил брань страждущего. И инок стал преодолевать искушения, спокойствие и мир водворились в его сердце, и он безропотно решил остаться в обители» (138). Аналогичное было и с монахом Досифеем (†1874). После усиленной церковной молитвы об укреплении его в борьбе, монах Досифей «сделал крутой поворот в своей жизни: из разговорчивого сделался совершенно молчаливым; если что требовалось объяснить, показывал знаком и лишь в крайней необходимости отверзал уста свои для двух-трех слов. С целью успешнее вести борьбу с врагом спасения отец Досифей, любя

чистоту, опрятность и удобства жизни, теперь показывал полное пренебрежение ко всему этому» (318).

Победоносным духовным оружием является также смирение. О нем читаем: «Только полное смиренномудрие старца (Досифея Благоговейного. — К.С.) могло без вреда для души сносить все козни врага рода человеческого, который в лице некоторых братий обители также находил себе усердных помощников — досадить подвижнику». (318).

Враг спасения не любит наставления старцев, особенно тех, которые оказывают сильные влияния на духовных чад. «Он сейчас же поднимает вопль: «Где вам все так исполнить, вы немощны и слабы; это можно было требовать в прежнее время, а не теперь! Это стеснение!» и т. д. И рада этому воплю грехолюбивая изнеженная плоть, противница духа: она ни о какой строгости знать не хочет; но кто ищет спасения — иначе судит... *Слово крестное погибающим юродство есть, а спасаемым сила Божия есть* (1 Кор. 1, 18)» (459).

Лукавый не только ненавидит наставления старцев, но и самый их голос; «ненавидит даже самые вопросы у опытных людей, ибо знает, что при открывании немощей и при

исполнении полезных советов обнаруживается его злодейство» (93).

Наконец, не страшны все нападения злой силы, все ее козни, тем, кто, с Божьей помощью, достиг бесстрастия. О подвижнике Феодосии (потом монах Феодот) говорится так: «В последующее время видно было, что подвижник Феодосий за свои неутомимые подвиги и незлобивое терпение, по благодати Божией, достиг высоты бесстрастия и принял от Бога дарование не страшиться духов злобы» (186).

Вывод лучше всего сделать словами того же многополезного Глинского патерика: «Если бы и каждый день пришлось тебе тысячу ран принять, и тогда не слушайся врага твоего, не отступай от подвига и не впадай в отчаяние, но знай, что враг вооружается на тебя, завидуя твоему доброму намерению. Итак, не унывай при вражеских искушениях: Господь вскоре посетит тебя тайным благодатным утешением; ибо Он через пророка говорит: «Аще бы и жена забыла исчадие свое, Аз же не забуду тебе». Веруй слову Господню и со смирением жди милости» (86).

«ОБРАЗЦЫ» — ПРИМЕРЫ ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ

Господь и Бог наш не того ублажает, кто только учит, но того, кто прежде творит, а потом учит... Потому что те, которые слушают такого учителя, бывают готовы подражать ему, не столько получая пользу от слов его, сколько будучи подвигаемы и понуждаемы делами его действовать подобно ему.

Преподобный Симеон Новый Богослов
Как дорог и на земле святой человек для людей!

Глинский патерик* .

Глинская пустынь — «это школа Христова; это одна из светлых точек на земном мире, в которую, дабы войти, надлежит умалиться до Христова младенчества».

Архим. Макарий

Для благочестивого человека, желающего знать славное прошлое наших св. обителей, для нашего бессмертного духа полезно и от-
радно вспомнить подвиги св. мужей, ходивших в законе Господнем, поучаясь в нём день и ночь. Таковые через усердную молитву, несомненную надежду на Бога, через сердечную чистоту, смирение и другие совершенства достигли высших ступеней в духовной лестнице

* О старце Иннокентии, †1888. — С. 238.

и стали светочами не только для иноков, но и для живущих в миру.. Глинская Богородицкая пустынь никогда не оскудевала подобными подвижниками веры и благочестия. Но описать все их подвиги невозможно, ибо многое в них остаётся сокровенным. Эту истину выражает и Патерик, когда, представив многолетнее и многотрудное житие старца Феодота (†1859), заявляет: «Его труды, терпение, страдание, борьба с духами злобы, глубокое смирение вполне ведомо только единому всевидящему Господу, ради Которого он от юности своей отвергся не только мира и яже в мире, но даже отвергся своего тела... По словам св. Григория Великого, «есть такие, которым не трудно отказаться от земных благ, но отречься от себя и своей воли — дело трудное для всякого. Оставить, что имеешь, не трудно, но оставить то, что ты сам, — это очень трудно, ибо при этом приносится в жертву, своя воля, самое любимое и дорогое, что имеется» (197). Уже эти суждения великого святителя, прозванного Двоесловом за поучительные труды (†604), показывают сложность спасительного пути. Патерик это и подчеркивает особо. «Духовная жизнь, — говорится в нём, — полна

терний и камней претыкания на спасительном пути. Случается, что, проживая в монастыре известное время, пришедший сюда охладевает в своём усердии: дух его мятется, в голове вереницей проносятся мысли о том, что и в миру для человека возможно и достижимо спасение, и т. д. В заключение он ставит перед собой вопрос: не оставить ли обитель и не возвратиться ли к прежним своим занятиям? С одной стороны, его устрашает тягота иноческого жития, с другой — жаль бывает и оставить тот род жизни, который им избран добровольно, а отнюдь не по принуждению и необходимости. В эти минуты тяжёлой душевной борьбы он уподобляется человеку, стоящему на распутье двух дорог и не могущему решить, который из этих двух путей избрать ему для следования» (306—307). — Глинские подвижники преодолели различные искушения и явили собой образцы духовной жизни. «Подвиг постоянного пребывания в деятельном молитвенном устройении, духовной самособранности, смиренной преданности Божественной воле», — вот те сокровища их душ, которые, как правило, явны были окружающим (219).

Молитвенники

На одно из первых мест в духовной жизни глинские подвижники ставили молитву. «Молитва была единственной потребностью» их душ и наполняла их сердца «таким миром, что всё земное, житейское» отодвигалось на второй план и делалось совсем чуждым (706). Постоянной келейной молитвой и трезвением ума они заграждали «вход в сердце всяким нечистым желанием» (176). Благоговейное совершение богослужения, как вводящее всех и вся в атмосферу религиозной жизни, низводящее благодать Божию, реально соединяющее с Небом, они считали ответственной — неотъемлемой частью своего подвига (609). И потому пламень усердной молитвы ярко горел в св. обители от начала подвига инока до его блаженной кончины.

Глинские подвижники, прежде всего, горячо сами молились.

Об иеромонахе Макарии (†1864) Патерик повествует: «Обессиленный болезнью подвижник, лёжа на ковре, не выпускал из рук Псалтири. А когда наступала ночь, вставал на молитву и, поддерживаемый под мышки дву-

мя костылями, читал Святое Евангелие и беседовал с Богом так долго, что нельзя было не удивиться, как это он, при болезненном состоянии своём, мог так долго пребывать в молитвенном бдении» (245).

Горячо и усердно молился не обучавшийся грамоте «христиански мудрый простец» монах Феодот (†1859). Инок Феодот нёс послушание на кухне, где, затворившись, совершал свои ночные молитвословия. Некоторые молодые послушники захотели узнать, как безграмотный подвижник всю ночь молится. Сквозь дверку они услышали, что старец беспрерывно кладёт поклоны и бесконечно взывает: «Пресвятая Богородице, спаси нас!» «Иисусе, Сыне Божий, помилуй мя!» Долго ждали любопытные конца молитвы, но так и не дождались. «Можно сказать, — продолжает свидетельствовать Патерик, — что никогда от уст его (от ума и сердца) не отступала молитва к Господу Иисусу Христу и Пресвятой Богородице... Многие, имевшие случай молиться с Феодотом, когда он уже находился в глубокой старости в болезненном состоянии, рассказывают, что он так много и быстро полагал земные поклоны, что никто из молодых послуш-

ников, полных сил, не мог сравняться с ним в этом отношении. При этом нужно заметить, что старец Феодот страдал от грыжи, полученной им от чрезмерных трудов» (183).

Обычным келейным занятием у иеросхимонаха Илиодора (†1895) была «непрестанная молитва, особенно молитва Иисусова» (420).

Неусыпным молитвенником был и архимандрит Герман (†1890). Он всегда стоял бодро «на страже молитвенной и дома, и на пути, и в келлии, и в вагоне железной дороги, вычитывая все положенные молитвословия, и так подвизался до старости маститой, до полного истощения сил телесных, не давал себе отдыха и покоя: молился, служил, пел Богу хвалебные песни неустанно и прямо из храма Божия слёг на одр смертный». И Господь помогал ему, укреплял его. Необычайная энергия и сила воли действовали в его ослабевшем старческом организме, чудотворно обновляя его юностью неземной. Кто видел его в последние месяцы и дни его жизни, невольно убеждался, что это был человек благодатный» (396).

У подвижника Евфимия (†1866) постоянным пребыванием были лишь два места: «Храм Божий — место всегдашнего обще-

ственного песнопения и молитвословия, и келлия — место уединённых подвигов и молитвы». Келья у него была так обставлена, что напоминала собой пещеру в уединённых каменных скалах, что свидетельствовало об общности его устремлений с великими столпами иночества (293).

Глинские иноки своим примером и словом учили молиться и других.

Иеромонах Феодосий (†1850), совершив вечернее правило, призывал к себе жившего рядом с его кельей послушника и понуждал «его по чёткам громко и не спеша произносить молитву Иисусову. Послушнику сперва очень страшно было творить молитву под наблюдением старца, но последний ободрил его. Он сказал, что страх происходит от врага спасения, более всего ненавидящего творение молитвы Иисусовой. Страх прошёл, уступив место умильно-покаянному чувству» (163).

Также старец Архипп (†1896) наставлял всегда помнить Бога, чаще молиться Ему и «ходить в храм Божий» (457).

Игумен Евстратий (†1855), внимательно наблюдая за духовным состоянием послушников и новоначальных иноков, «учил их не-

престанно возделывать ниву своего собственного сердца молитвой». Встречаясь с ними, он непременно спрашивал, «творят ли они Иисусову молитву, особенно, когда ничем не заняты, идут дорогой и т. п.» (135)... Горит на могиле старца лампадочка, как ночью звёздочка, и напоминает о молитвеннике, «который, живя на земле, подобно звёздочке, горел любовью к Богу. Светом своим лампадка возбуждает братию молиться о почившем подвижнике и самим, подобно ему, желать в небесах получить «звёздочку»»(481).

Надеющиеся на Бога

С молитвой неразрывно соединяется надежда на Бога.

Духовник обители иеромонах Порфирий (середина XIX), при любых невзгодах «был бодр духом, полон жизнерадостности и ясен. Все заботы и печали старец возлагал на Бога, поэтому всегда имел душевный мир, сердечную простоту, кротость и незлобие. И в сердца всех обращающихся к нему умел он вселить эту бодрость духа и надежду на Бога» (129).

Никто и никогда не видел унывающим или недовольным монаха Иакинфа († после 1961); «наоборот, его бодрость, живая вера в жизнь

будущую и стремление к этой жизни передавались окружающим. В общении с ним так чувствовалась эта вечная жизнь, мир иной, что самые тяжёлые скорби казались незначительными, страсти умирялись, и человек невольно начинал смотреть на земную жизнь лишь как на приготовление к вечности» (691).

Никогда не терял надежды на милость Божию старец Архипп. В скорбях он «не скорбел и, обижаемый, не жаловался, всё принимая, как посланное от Бога ради очищения грехов наших и ради спасения» (440).

Не видели никогда и схимонаха Лаврентия (†1881) «печальным, гневным или недовольным — внутренний благодатный мир спокойной совести невольно отражался в сияющем святой простотой и благолепием лице его» (362).

С младенческой чистотой и сердечной простотой

Отличительным свойством глинских иноков была чистота и простота. Этим особенно выделялся монах Феодот (†1859), о котором Патерик свидетельствует так: «Отличительной чертой старца была младенческая чистота» (191). Для мира он был подобен младенцу, для Бога —

совершен душой. На вопрос братии, как он говее, старец отвечал: «Я говею и завтракаю, говею и завтракаю; а тогда раз не позавтракаю — пойду приобщусь; вот и отговелся» (192). Подобного рода ответ свидетельствует, что старец пришёл в состояние высочайшей простоты — первоначальное незлобие естества, в редко достигаемое совершенство (192).

«Простосердечный и кроткий» был иеросхимонах Антоний (†1842). Свой иноческий подвиг старец проходил «в келейном уединении, соблюдая безмолвие» (146).

Об игумене Иоанникии (впоследствии схииархимандрит Илиодор, (†1879) рассказывает, что он имел такую открытую сердечную любвеобильную простоту, что этим превосходным стяжанием так крепко привязал к себе иноков, «что они обращались к нему с таким доверием, с каким обращаются дети к нежной матери, и от любви к нему готовы были исполнять все его пожелания» (537).

Ровные в общении

Глинские иноки не забывали видеть в каждом человеке образ Божий и соответственно относиться к нему.

Монах Валериан, ещё до поступления в Глинскую обитель, выделился молчаливостью, тихостью, смирением, трудолюбием и послушанием. Этими добрыми качествами он снискал всеобщую любовь братии. Сначала он «плёл всем лапти, а затем, когда благосостояние обители улучшилось, шил и ремонтировал обувь братии. Исполняя своё послушание тщательно, со страхом Божиим, усердием и терпением, он... сделал свою жизнь угодной Богу» (706).

Ровный ко всем был схииеродиакон Евстратий (†1961), умоливший Царицу Небесную послать ему кончину до закрытия горячо любимой св. обители. Скромный, тихий, послушный отец Евстратий старался никого не обидеть — всем угодить и услужить. Ничто внешнее его не огорчало и тем более не выводило из равновесия. «Келейную жизнь проводил строгую и воздержную... Пищу вкушал вместе со всей братией, но очень умеренно. Чтение трапезное слушал всегда очень внимательно, а иногда, заслушавшись, и совсем забывал о пище... Отец Евстратий от юности посвятил себя Богу и до конца земной жизни был истинным монахом, глубоко верующим, кротким,

смирным, чистым сердцем, монахом-подвижником, монахом-молитвенником» (642).

При отношениях с братией старец Архипп воздействовал на неё только личным примером — «не употреблял никакой строгости, ничего не взыскивал, со всеми обходился отечески-ласково, но всё братство, уважая его, боялось оскорбить старца чем-либо небогоугодным, и его молитвами охранялось от неуместных поползновений» (455).

Незлобие, доброжелательность

Ровное отношение предполагает и незлобие с доброжелательностью. Глинские иноки это показали своим житием.

«Прост и незлобив» (135) был игумен Евстратий (†1855). Для духовной жизни Глинской братии это имело огромное значение, так как отец Евстратий долгое время (1844—1855) был настоятелем обители.

Другой настоятель, в позднейшее время (1958—1960) — накануне второго закрытия обители, — архимандрит Феоген, будучи смиреннейшим служителем Божиим, «всех покрывал любовью, всех упрашивал, чтоб не было ропота, недовольства, чтоб послушания несли с ревностью» (623).

«Что отличало тебя в этой жизни? — вопрошал у могилы старца Андроника (†1974) Святейший и Блаженнейший Католикос-Патриарх всея Грузии Давид V и отвечал: «Ты не имел врагов, и потому все любили тебя. Ко всем открыто было твоё любящее сердце» (674). В этих кратких словах Предстоятеля Грузинской Православной Церкви показано всё величие души одного из последних известнейших старцев.

Сослужитель отца Андроника, настоятель и схиархимандрит Серафим (Амелин) (†1958). отличался миротворчеством. Этот дар начал проявляться еще в молодые годы отца настоятеля, но теперь он раскрылся во всей полноте. Внутренний мир, мир Христов, который царил в его смиренномудрой душе, нёс отец Серафим всем окружающим и объединял миром и любовью самых разных людей» (580). Везде, где появлялся этот старец, водворялся мир. Возникшие до сего недоразумения, ссоры легко и быстро исчезали. «Многие удивлялись тому, что молодой ещё отец Серафим, казалось бы, ничем не выделявшийся, не имевший каких-то особых подвигов, даже ничего не говоривший, приносил с

собой душам окружающих тот мир Христов, которого так ищут подвижники» (576).

Главной чертой схиигумена Антония (†1946) было сострадание немощам людей. Не любил он только «желания поступать по своей воле и соединённого с ним прекословия» (594).

Истинной христианской доброжелательностью отличался также архимандрит Иннокентий (†1888). Доброта его простиралась «ко всем и к каждому, и к знатым людям, и к простым бедным поселянам. Каждый обратившийся к нему за советом и благословением всегда выходил от него утешенным, обласканным, ободренным, подкрепленным, — подавляемый ли душевными страданиями, или удручаемый семейными скорбями, или предпринимавший какие-либо житейские добрые дела» (237).

Духовно мудрые

Проявление доброты — это и есть уже показатель духовной мудрости, ибо духовная мудрость не иное что, как утверждение добра.

Старец беседовал со своим духовным чадом о предметах веры и благочестия, что было весьма полезно «последнему, ибо из расска-

зов опытного подвижника узнавал он козни врага спасения человеческого и учился с ним бороться молитвою» (146). Старец не спешил с наставлениями, «а выбирал для них благоприятные минуты». Своё слово направлял он с учётом характера самого вопрошавшего. «Такая рассудительность увеличивала силу его пастырской деятельности» (609).

Духовная мудрость может проявляться в двух видах: в виде духовного устройства самого служителя Божия и в виде совета другим. Первое показано на примере иеросхимонаха Пахомия (†до 1822), второе — иеромонаха Феодосия (†1850).

«Духовная мудрость никогда не оставляла» иеросхимонаха Пахомия — духовника Глинской пустыни. «Он ни к кому не имел в своём сердце неприязненного чувства, обо всех имел благую мысль, всегда был мирен со всеми и никогда ни на кого не обижался. Старец Пахомий отличался долготерпением и кротостью. Никто не видел его в состоянии гнева или возмущения, разве только за преступление заповеди Божией. И то это возмущение было внешним, чтобы показать, насколько греховно и вредно для души наруше-

ние заповедей. При этом старец никогда не повышал голоса» (107).

О духовной мудрости иеромонаха Феодосия, — начавшего свой подвиг в Глинской пустыни, а затем перешедшего в Святогорскую пустынь, — свидетельствует следующий случай. У эконома и казначея обострились отношения. Старец посоветовал обратившемуся к нему эконому на время покинуть пустынь и посетить другие монастыри — если тамошние порядки понравятся, то и остаться там, если же станет грустно без Святогорья, то вернуться. «Я, — продолжал старец, — знаю, что ты скоро соскучишься по Святогорской, родной тебе обители, ... и скоро опять в неё возвратишься, но проехаться тебе будет теперь очень полезно и даже необходимо. Ты уступишь место гневу брата, и гнев этот пройдёт, а сам опытно познаешь, что родная обитель тебе дорога и порядки в ней не так дурны, как теперь тебе кажутся. Увидев другие порядки и другое иноческое житие, ты, я знаю, скоро возвратишься назад и тогда будешь более дорожить возродившей тебя духовно обителью» (164). Всё произошло так, как говорил старец.

Смиренные, целомудренные, нестяжатели, послушные, трудолюбивые

Имея много доброго, святого, глинские иноки особенно выделялись теми сторонами подвига, которыми, по преимуществу, славились насельники святых обителей. Это: смирение, целомудрие, нестяжание, послушание, труд.

Смирение в той или иной мере свойственно всем подвижникам. Если его нет, то нет и подвига, а значит — и самого подвижника.

Патерик свидетельствует, что «отличительной чертой отца Иова» (†1946) и было именно смирение — он, получивший дар слез и пользовавшийся большим духовным авторитетом, «искренне до самой кончины считал себя хуже всех и ниже всех... и всегда просил у Господа даровать ему покаяние» (597).

Иеродиакон Серапион (†1859) по своему глубокому смирению считал себя недостойным даже монашества, а тем более — священного сана. Но, приняв из послушания сан иеродиакона, решительно отказался по той же причине от иеромонашества. «Необыкновенно кроткий, тихий, как Ангел Божий, отец Серапион с принятием иеродиаконства ещё более стал ревновать об угождении Богу» (176).

Архимандрит Макарий (†1847), известный основатель Алтайской Духовной Миссии, сознавал свои немощи и спрашивал себя: «Не нужно ли основательнее воспитать самого себя, прежде чем приносить духовную пользу другому?» — Не принесёт пользы изучение наук, если душа не знает «доброй и богоугодной жизни» (149).

К глинским подвижникам можно применить изречение преподобного Марка Подвижника: «Видел я простецов, делом смирившихся, и стали они мудрее мудрецов» (465).

Характерно для подвижников и **целомудрие**.

Упоминавшийся выше иеродиакон Серапион, имевший глубокое смирение, строго оберегал своё девство, которое и «сохранил до смерти» (176). А об иеромонахе Евграфе (†1848), наряду с другими подвижниками, сказано: «Во всём строгое воздержание, постоянный пост, малопитание, жесткое ложе и тому подобное, служили им к умерщвлению в себе греховного человека с его страстями и похотьми и к постоянному держанию себя на высоте великим подвигом достигнутых добродетелей» (161).

Один из важнейших обетов инока — **нестяжание**. Нарушение этого обета равно отрицанию самого монашества. Потому в Глинском патерике говорится и о сем.

О монахе Димитрии (†1891) Патерик свидетельствует, что сей инок явил пример «иноческого нестяжания» — не имел даже запасной пары белья — «когда стирал своё белье, то оставался в одном подряснике» (403).

Монах Александр (†1869) за свою бескорыстность, за безразличие ко всем материальным благам получил даже название Нестяжатель. «В келлии отец Александр продолжал быть внимательным к себе: любил читать книги, говорил всё Божественное, о телесном ни слова, точно Ангел во плоти. Так говорил про него один почтенный глинский старец, лично его знавший» (315).

А иеромонах Паисий (†1641) именуется в Патерике «духовным старцем», «неукоризненной жизни и бескорыстного служения» (143).

Весьма важно в иноческом житии **послушание** и потому «главнейшим предметом забот» схиигумена Антония (†1946) «было водворение» этой добродетели среди братии (594). Старец учил, «что жизнь инока должна про-

текать в молитве церковной и келейной, безусловном послушании и посте, нестяжании и девстве. Сам он во всём подавал пример своей подлинно аскетической жизнью» (593).

Не последнее место в иноческом служении отводится и **трудолюбию**.

Монах Феодот (†1859) хорошо знал, что злая сила особенно успешно действует на человека, «когда он находится в праздности и бездействии» и потому сам «постоянно пребывал в трудах и молитвенных подвигах» (181).

Апостол Алтая архимандрит Макарий (†1847) «с полным самопожертвованием провёл 14 лет (1830—1844) в великих трудах апостольского служения, как светильник сиял словами истины, примером строгого благочестия, чистоты, многообразными делами милосердия, мудростью духовной, истинной любовью к ближним и к погибающим... и прочими добродетелями» (153).

Итог всему сказанному о примерах духовной жизни можно подвести словами настоятеля Глинской пустыни игумена Ювеналия (впоследствии архиепископ, †1904), обращенными к настоятелю другой, не менее известной, Оптиной пустыни: «Братии у нас доволь-

но, 163 человека и много из них весьма способных, все, по милости Божией, в подвиге духовном, есть очень преуспевшие» (215).

Поистине, житие глинских иноков было непрерывным служением Богу, или, как говорит великий учитель Востока и Запада преподобный Иоанн Кассиан Римлянин, «непрерывным постоянством молитвы» (Преподоб. Иоанн Кассиан. Писания... Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1993. С. 323). Они прежде всего искали Царства Божия и правды его. И им — этим дивным мужам открывались «великие и страшные тайны» небесного мира (191).

К этим земным ангелам и небесным чловекам потянулись тысячи внимательных ко спасению, их уважали, почитали, просили их святых молитв и духовных советов. Их любили при жизни и помнили после кончины, стараясь подражать им.

Перелистывая страницу за страницей Глинский патерик и знакомясь с подвигами великих мужей, невольно сопоставляешь их життя с нашей суетой и видишь разительное несходство. Но эта разница не должна приво-

дить к выводу, что для человека нашего времени невозможно исполнить то, что для тружеников святой пустыни было почти обычным. Должно помнить, что и они были поначалу такими же людьми, как и мы, а если стали иными, то потому, что помнили о земном призвании человека и со всем усердием старались исполнить всё, повеленное ему (Лк. 17, 10). Господь же, видя их труды, послал им Свое благословение и необходимую благодатную помощь. Если эта мысль глубоко войдёт в наше сознание, она непременно снимет с нас страх о нашей отдалённости от жизни святых и подвигнет нас смело идти вслед за ними, тем более что путь указан и проторен. А великие подвижники, взирая с Неба на нашу ревность, и порадуются за нас, и станут перед Престолом Божиим на молитву, чтобы нам поспешествовать.

«И в наши дни Бог воздвигает
Добра подвижников средь нас,
Через коих нам напоминает,
Что светоч веры не угас» (433).

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

ЗаклЮчить все сказанное в предложенном мною труде хотелось бы не моими словами, а словами того же глубоко духовного по своему содержанию Глинского патерика.

Почему я так хочу поступить? Потому, что, как мне кажется, читатель ждет не слова мирянина, нуждающегося в руководстве, а наставления носителя священного сана, который опытно познал, что есть духовная жизнь, который уже здесь, на нашей земле, стоял у Жертвенника Божия, а там, на Небе, стоит у Престола Господня. А такие наставления и несет нам Глинский патерик.

«Ради Господа понеси охотно все скорби и тесноты, во всем трезвись и «злопостражди, яко добр воин Иисус Христов» (2 Тим. 2, 3); ибо Сам Господь Бог «нас ради обнища, богатый сый в милости» (2 Кор. 8, 9), да и мы обогатимся Царствием Его. Подражая Господу, терпи все ради Его и преуспевай в исполнении заповедей Его день и ночь. Сам Господь сказал: *Аще кто хочет по Мне идти, да отвержется себе и возьмет крест свой и по Мне грядет* (Мф. 16, 24). Взять крест значит быть

всегда готовым даже до смерти на всякое исполнение заповедей Господних: алкать и томиться жаждой, принимать досады и укоризны, поношения и гонения и всякие скорби, которыми достигается истинная жизнь по Боге» (87).

«С самого начала следует от всего сердца призвать в помощь многомилостивого Подвигоположника нашего Иисуса Христа, дабы «иго Его» тебе «было благо». Моли Господа излить в сердце твое огонь Его любви, возбуждающий разумно и неослабно проходить душевные и телесные подвиги, укрепляющие тебя в вере; да не придешь в отчаяние, когда приступят к тебе искушения, страсти, немощи и недоумения» (86).

«Простите меня сердечно, если какое-нибудь слово, писанное мной, оскорбило вас; да воздаст вам Господь все благое и да сохранит вас от того, что есть злое. Буди вам мир на сердце и благоволение Божие во спасение, и мое буди вам благословение»

(Иеросхимонах Макарий, †1864. — 258).

НЕОБХОДИМОЕ ПОСЛЕСЛОВИЕ

Почему я взялся за изучение Глинского патерика, выделяя в нем то, что составляет одну из важнейших сторон Святого Православия — ДУХОВНУЮ ЖИЗНЬ? — Да не подумает кто-либо, что я возомнил себя достигшим многого и якобы ставшим способным «непогрешимо» вещать! — Нет! Такие творения, как Глинский патерик, нужны, прежде всего, для меня самого, для работы над собой, для самоанализа и самоисправления. Может быть, это и есть одна из причин, побудивших меня повнимательнее взглянуть на образ жития праведников! Но я усматриваю и еще одну причину, которая живет и сильно действует в глубинах моей души: память о встречах и беседах на протяжении моей жизни (достигшей уже Библейского возраста) с целым рядом высоко духовных, — я бы сказал прямее — святых — подвижников православной веры и благочестия. О них можно, — и, вероятно, следует, — говорить много и обстоятельно, но я здесь ограничусь лишь упоминанием — простым перечислением.

Перед самым поступлением в Минскую духовную семинарию (в 1947 г.) я имел встречу с

протоиереем Михаилом Кузьменко († после 1965), благочинным Докшицкого округа, Витебской области, исповедником — десять лет он провел в советских лагерях за так называемое «участие в заговоре» против советских властей (!).

Во время учебы в Минской духовной семинарии два года я имел возможность встречаться и слушать подлинно христианские наставления протоиерея Иоанна Рея († 1949), инспектора и преподавателя Минской духовной семинарии, пастыря необыкновенной душевности, любви и теплоты. (См. о нем: «Богословский Вестник». Сборник научных трудов. Вып. III. Сергиев Посад, 2000. С. 30–33).

В студенческие годы — в Московской духовной академии — (1951–1955) — я слушал лекции протоиерея Александра Ветелева († 1976), профессора, доктора богословия, всего себя отдававшего служению ближнему. В это время настоятелем приходской церкви в г. Загорске (ныне Сергиев Посад) был протоирей Тихон Пелих († 1983), о котором очевидцы свидетельствуют, что во время совершения молитвы он подымался над полом. Сей праведник сыграл немалую роль в моей жиз-

ни¹. Тогда же Господь свел меня с двумя необыкновенно светлыми лицами — студентами Академии (они были старше одним курсом) иеромонахами Кириллом (Павловым) и Тихоном (Агриковым). Первый из них в сане архимандрита является духовником-старцем в Свято-Троицкой Сергиевой Лавре — ныне тяжело болен, второй — в сане схиархимандрита пребывал в уединении сначала где-то в южных районах Грузии, а затем Подмосковья (†2000).

Вскоре после окончания Духовной академии (в конце 1957 г. или в 1958 г.) новая милость Божия была явлена на мне — я встретился с духовным сыном последнего оптинского старца (перед закрытием обители) Нектария (Тихонова, †1928), исповедником протоиереем Сергеем Никитиным (впоследствии Стефан, епископ Можайский, затем Калужский) (†1963). Тогда же состоялась беседа и с матушкой Евфросинией (кажется, из района Павлова Посада, †после 1958) в московской квартире моих знакомых (Ольги и Татьяны Крюковых). — Разные личности, но обе высочайшей

¹ См. о нем в кн.: Старец Протоиерей Тихон Пелих. Свято-Троицкая Сергиева Лавра. 2000. Автор-составитель Е. Т. Кречетова.

духовной жизни, обладавшие даром мудрости и совета. Именно их молитва и совет определили мое будущее. К тем же годам относятся и мое сближение со схиархимандритом Иоанном (Масловым) магистром богословия, доцентом Московской духовной академии, благодатным старцем (†1991) и протоиереем Александром Егоровым, добрейшим пастырем — служителем в храме святого пророка Божия Илии (Обыденного) г. Москвы (†2000).

И еще: в сентябре 1958 г. я встречал в моей рабочей комнате в Московской духовной академии после богослужения в академическом храме Ольгу Серафимовну Дефендову (в тайном постриге монахиня Серафима. †1960), всю свою жизнь посвятившую служению ближнему во славу Божию (в последние годы жизни митрополита Макария (Невского. †1926) она в течение восьми лет преданно служила ему. Неоднократно молились мы вместе с ней у могилы святителя. А ведь митрополит Макарий прослужил Церкви Божией семьдесят один год, а ныне прославлен! Что здесь знаменательно? — И то, что монахиня Серафима была великой подвижницей, и то, что через своего отца, лично знавшего и

встречавшегося с преподобным Серафимом Саровским, она восприняла РАДОСТЬ ПРЕПОДОБНОГО — никто не видел ее унывающей. Знаменательно в этой академической встрече было и то, что вместе с ней был Константин Константинович Апушкин (†1965), духовный сын отца Алексия Мечева (канонизован в 2001 г.), тоже человек Божий, заслуживающий только доброго слова: в суровые советские годы, когда стремились уничтожить все священство Русской Православной Церкви, он был тайно рукоположен во иерея, взят под стражу ГПУ, подвергся допросу, жестокому избиению (загнали под стол, сидевшие за столом произвольно — не глядя — били со всех сторон сапогами), в результате чего потерял здоровье и преждевременно скончался. Как же монахиня Серафима хвалила предложенный мной завтрак! Слушая ее, можно было подумать, что я самый искусный повар. А предложено было очень скромное угощение: на маленькой электрической плитке я поджарил несколько яиц... «Какая же вкусная яичница! Я никогда не ела такой вкусной! Как вы вкусно готовите!» — восторгалась матушка... Она и здесь — в этом

незначительном событии умела утвердить «СЕРАФИМОВСКУЮ РАДОСТЬ»! И могилки их обоих совсем близко — почти рядышком — на Введенском кладбище в г. Москве.²

В начале осени 1966 г. Господь сподобил меня побывать в Псково-Печерском монастыре, где я посетил в келье схиигумена Луку Земскова (†1968), который пятьдесят два года подвизался в Валаамской обители (Старой и Новой), а последние одиннадцать лет (с 1957 г.) — в Псково-Печерской. Старец, стяжавший «дух мирен» и дар исцелений, подарил мне фотографию с иконы преподобных Сергия и Германа Валаамских. На обратной стороне он написал: «†Боголюбивому Константину Скурат благословение преподобных Сергия и Германа. Да хранят они Вас в мире, здравии. Схиигумен Лука. 4 сент. 1966 г.» Эту иконку-фото с тех пор я всегда имею с собой вместе с фотографиями самых близких и дорогих мне.

Должен также сказать о моих встречах, беседах, — хотя и очень кратких, но для меня знаменательных, — с такими верными служителями Богу и людям, как протоиерей Сер-

² Монахиню Серафиму хорошо знали в Глинской пустыни и за ее «неустанную помощь монастырю в шутку называли «внештатным казначеем». (См.: Свеча Богу. Московский старец протоиерей Василий Серебренников. М., 1999. с. 39).

гий Орлов, настоятель Покровского храма в селе Акулово Московской области (†1975); протоиерей Василий Серебренников, настоятель храма Воскресения Слоущего (св. ап. Филиппа) в Москве (†1996); тетьа Катя, (монахиня Августа, †после 1963), мало кому известная подвижница, а она самоотверженно, без единого слова ропота, служила епископу Стефану (Никитину) до последнего дня его жития (см. немного о ней и ее фото в журнале-газете «К Свету», № 9–10. С. 45).

Оособо хочу сказать о святителе Афанасии (Сахарове), епископе Ковровском, исповеднице, проведеншем около 30 лет (с середины 20-х годов до 1955 г., с короткими перерывами) в разных местах заключения. — В августе 2000 г. на Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви состоялась канонизация его. Почему я хочу сказать оособо? Потому, что 25 февраля 1922 г. он рукоположил во священника уже упоминавшегося мной Сергия Никитина. Это во-первых. Во-вторых — что имеет непосредственное отношение ко всему сообщаемому мной, — святитель Афанасий, проживая последние годы в Петушках, Владимирской области, переписывался с епископом Зиновием (Мажуга; впоследствии митрополит

Тетрицкаройский, в схиме Серафим), бывшим подвижником в Глинской пустыни и до конца дней (†1985) сохранившим ее дух... Встреча со святителем Афанасием меня и моей жены Марии состоялась осенью 1958 г. в гостинице Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. Нас святой Владыка не знал, но хорошо знал родителей моей жены, и поэтому наша беседа и началась с того, что мы сказали о родителях. Святой Владыка спросил о нашей работе, мы — о его здоровье, служении. Благословил нас, и мы ушли от него в духовной радости, так как вся беседа была исполнена отрадой.³

Эти Божии люди достойны включения в **НОВЫЙ ОБЩИЙ ПАТЕРИК**, пока не существующий, — но он будет. Они многих-многих учили святому, в том числе и меня, при своей жизни; добрая память о них, верю, — и святые молитвы их, помогают мне и сегодня в моих скромных трудах.

Вечная память почившим!
Доброе здравие и спасение живущим!

Константин Скурат.
2004 г.

³ См. о нем в кн.: Молитва всех вас спасет: Материалы к жизнеописанию святителя Афанасия, епископа Ковровского. (Сост., предисл. и примеч. О. В. Костик). М.: Изд-во ПСТБИ, 2000.

